

ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА

Глава 1.

СТРЕЛЫ ПЛЕМЕНИ ФУЛНИО

1865 - 1933 гг.

За ними даже не приходилось гоняться (а ведь шёл уже 1865 год) - достаточно было нескольких жестов, обещающих различные безделушки: ножи, зеркала, алкоголь. Небольшая группа индейцев показалась из своего убежища, коим служили густые леса, покрывавшие гряду холмов Баррига в штате Алагоас, и направилась к белолицым людям, руками подававшим им знаки. Трёхсотлетняя история Бразилии научила их тому, что белые - мошенники и негодяи, ещё более коварные, чем змеи, однако некоторым соблазнам противостоять было чрезвычайно трудно. Когда индейцы подошли совсем близко, белые на них набросились. И вот, несчастные уже в пути, то и дело получая по спине удары плетью в качестве приглашения в "цивилизованный мир".

В более "героические" времена ловцам приходилось бегать за ними по лесам и часто оставаться в дураках из-за индейской сноровки, но искусство уходить от погони, запутывать преследователя, лишать его сил и оставлять ни с чем, похоже, было утрачено прадедами Гарринчи к середине XIX века. Иначе они не позволили бы так просто хватать себя и, привязав друг к другу за шею, отправлять на фазенды и сахарные плантации.

Порабощение индейцев в Бразилии считалось в то время занятием уже вышедшим из "моды" и более того - незаконным. Индейцы должны были содержаться в отведённых для этого правительством резервациях, где они могли как угодно разрисовывать свои тела, никого при этом не шокируя, и разыгрывать свои ярко декорированные народные спектакли. Только едва ли можно было найти хоть одного человека, верившего в то, что закон этот строго соблюдался, тем более - крупными землевладельцами северо-востока страны. Вообще, работоторговцы предпочитали иметь дело с чернокожими рабами из Африки, поскольку, помимо огромных прибылей, которые те приносили, существовало мнение, что индейцы - ни на что не годные лентяи, склонные лишь к пьянству и разврату.

Пьянство и разврат?! Ну уж позвольте! Первые португальцы, прибывшие на континент ещё в 1500 году, сначала ужасались видом голых варваров, беззастенчиво занимавшихся всеми видами сексуальных извращений, включая групповые, инцест и гомосексуализм, а вскоре и сами следовали их примеру во

всевозможных вариантах на лоне природы под аккомпанемент истошных криков попугаев и арау.

Что касается пьянства, индейцы умели готовить пенистый напиток с высоким содержанием алкоголя - продукт брожения фруктов и корня сладкого маниока. Мужчины племени, включая шамана и вождя, упивались им дни и ночи во время своих долгих празднеств. Со временем они перешли на тростниковую водку, которую начали продавать им португальцы.

И тем не менее, по части работы индейцы не имели ничего общего с "ни на что не годными лентяями". Возможно, совершенством они не блистали, но во многих ремёслах преуспели немало. Если бы с самого начала европейцы использовали их в более привычных для них видах деятельности (а индейцы были прекрасными охотниками, рыбаками, лесорубами, строителями, следопытами и проводниками), молодая Бразилия превратилась бы в настоящий тропический рай, и не было бы пролито столько крови. Однако колонизаторы попытались заставить их возделывать землю, что, по мнению индейцев, прирождённых охотников и воинов, было занятием довольно нудным и неинтересным. А сверх того йезуиты потребовали, чтобы те носили одежду, учились грамоте и верили чужому богу свои души. Отсюда начались побоища и кровопролитие, сила в которых оказалась не на стороне индейцев.

Спустя века, в 1800-х годах, индейцев оставалось едва ли больше, чем изображено на картинах Педро Америко (португальского художника, прибывшего в Бразилию вместе с первыми поселенцами и отразившего в своих произведениях эпоху начала колонизации континента). Совсем немногие племена оставались неучтёнными в переписи, и почти все они жили в резервациях вдали от родных лесов и вблизи городов и фазенд белых. Неудивительно, что такое соседство индейцам не нравилось, ведь даже там они не знали покоя. Достаточно было мужчинам племени отойти от поселения на некоторое расстояние, чтобы поохотиться на оленя или броненосца, как их земли тут же захватывали белые, а самих их истребляли или, в лучшем случае, изгоняли. Иногда в предчувствии недоброго индейцы, не дожидаясь захвата, группами сбегали, спасаясь от смерти. Им удавалось скрытно преодолевать многие километры, но если они бывали замечены, за ними начиналась охота. Некоторых из них потом показывали в цирках, молодых индианок продавали богатым похотливым господам, а то и, как в наше время, - прямо в бордели.

Во времена правления императора Педро II стало очевидно, что конец рабству чернокожих неизбежен, и спрос на индейцев постепенно снова возрос. На северо-востоке наиболее крепких физически начали использовать на сахарных плантациях и скотоводческих фермах, где им вменялись виды работ, которые они выполняли, по крайней мере, с некоторой терпимостью: собирали сахарный тростник, обрабатывали древесину, ухаживали за домашним скотом или управляли запряжёнными в повозки быками. Конечно, это нельзя сравнить с

охотой на ягуаров или яростной межплеменной войной, как в старые добрые времена, но выбора не было.

Да, многое изменилось с тех пор! Шёл XIX век, когда прадеды Гарринчи, изгнанные из своего поселения в штате Пернамбуко, разбрелись по стране и уже без каких-либо приманок, использовавшихся белолицыми раньше, были схвачены и закованными в цепи препровождены в чуждый им мир белых.

С XVIII века фулнио жили в своей резервации в области Агуас Белас в долине Ипанема, неосвоенной глуши штата Пернамбуко в нескольких километрах от границы с Алагоасом. Это было одно из немногих индейских племён, сохранившихся в регионе. К тому времени уже исчез последний представитель племени каэтэ, способный рассказать, как в 1556 году его свирепые соплеменники скушали епископа Сардинью. Не осталось также никого из потомков самого кровожадного племени - тупинамба, чтобы поведать историю о том, как его предки подвергли децимации то самое племя каэтэ (съели каждого десятого), прежде чем сами были уничтожены с ещё большей жестокостью португальцами. Жизнь индейца в бразильской глуши зачастую ценилась не дороже жизни кролика, и это просто чудо, что некоторые из них выжили и дали своим потомкам возможность увидеть новый век.

Народ фулнио был одним из тех, кого коснулось это чудо. Спасшись от аркебуз первых белых поселенцев, индейцы сумели уйти и от рук йезуитов. Удалось им это благодаря умению рассредотачиваться и вновь группироваться уже в других местах. Миссионеры и проповедники так и не смогли настичь их и обратить в детей Пресвятой Марии. На протяжении многих лет, даже живя в резервации, индейцы фулнио сохраняли свою идентичность и веру. Они были обособлены или, выражаясь правильнее, не принадлежали ни одному из крупных индейских племенных сообществ северо-востока, таких как тапуия или карири. Во всяком случае, они не считали себя, как не считают и до сих пор, их частью. Язык, на котором они говорили - йатэ, что означает "уста людей" - резко отличался от основных местных наречий, и это помогло ему не раствориться в "главном языке", введённом колонизаторами. Фулнио начали изучать португальский, и любопытен тот факт, что индейцы, говорившие уже на двух языках, появились намного раньше, чем белолицые смогли постичь лишь основы языка йатэ.

Находясь под неотступным надзором белых, фулнио потеряли многие из своих старых обычаев. Один из них - родственный каннибализм: новорождённого первенца в каждой семье умерщвляли, жаривали и, смазывая мёдом, съедали деды и бабки. Существовало поверье, что это способствовало укреплению рода. Отец младенца в ритуале не участвовал, но его обязанностью была добыча мёда. Некоторые другие обычаи сохранились. Например, такой, как "мечь камню", когда на камень обрушивали град ударов ногами, руками и чем попало, пока на нём не появлялись выщербины и зарубки, а на руках и ногах бьющих - кровавые

ссадины. Таким способом индейцы избавлялись от накопленных негативных эмоций.

Мужчины племени никогда не утрачивали своего охотничьего таланта. Они были большими мастерами прицельного ручного метания камней без использования рогаток, пращей и прочих приспособлений. Любой небольшой зверь или птица падали замертво почти после каждого такого броска.

К 1860 году в Агуас Белас племя фулнио насчитывало около семисот человек. Уже тогда индейцы чувствовали жажду белолицых захватить их земли, и именно в тот год при явном попустительстве властей захваты начались. Белые появлялись ранним утром и поджигали хижины. Выгорали целые деревни, и индейцы семьями вынуждены были их покидать, чтобы не погибнуть или не попасть в новое рабство. Никакой возможности бороться и защищаться они не имели. Вдобавок к этому более ста человек были рекрутированы на войну против некоего парагвайца по имени Солано Лопес, о котором они даже не слышали. И если первые ещё считались "добровольцами Родины", следующих приходилось уже в кандалах волоком тащить на поле боя. При сигнале о том, что к поселению приближаются солдаты, матери разрисовывали своих старших сыновей женскими узорами, чтобы тех не забрали, но всё же, несмотря на подобные ухищрения, забрали многих, и лишь немногие смогли вернуться домой.

Таким образом, из семисот индейцев фулнио в 1860 году к концу десятилетия насильственному перемещению подверглось более пятисот человек. Многих увезли так далеко от Агуас Белас, что никогда больше они не смогли найти дорогу назад. Да и некуда было возвращаться - в 1870 году поселение перестало существовать.

Своих потомков-метисов племя фулнио рассеяло по всей Бразилии. Прадеды Гарринчи были, скорее всего, среди тех первых, что покинули Агуас Белас, примерно, в 1865 году, прошли 45 километров вниз по течению реки Ипанемы и попытались осесть в области Сантана ду Ипанема на территории штата Алагоас. Они даже успели основать поселение, но, вероятно, из-за новых гонений многие переместились влево от реки и достигли окрестностей Униао дос Палмарес у подножья гряды холмов Баррига. Там они все до одного были пойманы и отправлены на расположенные неподалёку сахарные плантации и фазенды, откуда больше не уходили. Этому месту индейцы фулнио дали название "Лаи-Ээфа", что по-португальски примерно означает "quebro e engulo" - "сгибаюсь и проглатываю (унижение)". Они как будто понимали значение слова, которым называли их белые: "кебрангуло".

Притеснения индейцев прекратились лишь 50 лет спустя, в 1914 году, и тогда же правительство штата Пернамбуко вернуло часть земель в области Агуас Белас оставшимся представителям племени. Однако многие из изгнанных так и не дожили до того времени, а их дети, в том числе и Жозе Франсиско дос Сантос -

будущий дедушка Гарринчи, уже достигли среднего возраста. Рождённые на фазендах от смешанных браков, они были слишком далеки от своих истоков.

Жозе (или Шисе на языке йатэ) родился в период между 1865 и 1875 годами, скорее всего, именно в Кебрангуло и был в числе первых переселенцев, пойманных у холмов Баррига. Записи о его рождении не сохранилось, как не сохранилось и сведений об именах его родителей. Известно, что в качестве фамилии они получили имя и фамилию своего поимщика Франсиско дос Сантоса. Как правило, индейцам давали фамилии их владельцев, чтобы потом, в случае любых недоразумений, их легче было идентифицировать. Фамилия от белолицего являлась лишь одним из ингредиентов "лекарства", предназначенного заставить Жозе забыть, что он индеец. Другими ингредиентами были обычаи фазенды, общение с белыми, чернокожими, мулатами и метисами, а также невзгоды, которые переживал весь регион из-за плутовства и коррупции властьпредержащих.

Как и в случаях со многими индейскими детьми, рождёнными в мире белых, судьба Жозе никого не интересовала. Ясно было только то, что там, на северо-востоке, где прошли его детство и юность, одна страна для него умерла, а другая так и не родилась.

В возрасте от 19 до 28 лет, году, примерно, в 1893-м, Жозе женился на Антонии, дочери чернокожего раба. То было не самое лучшее время для создания семьи и построения планов на будущее - годы после 1889-го выдались особенно трудными для северо-востока страны. Три источника его процветания: монархия, рабы и сахар постепенно иссякали. С Бразилией тех времён начали связываться совсем иные представления: республика, иммигранты и кофе, а это означало, что главным экономическим центром становился юг. Одна за другой сахарные фабрики и фазенды Алагоаса разорялись, а их хозяева, некогда такие могущественные, продавали даже свои пианино, чтобы только сохранить средства передвижения - лошадей и экипажи.

До той поры Жозе и Антония, как и тысячи других бедняков северо-восточных регионов, были рабами богатых господ. Со всеми этими переменами их социальный статус тоже несколько изменился, и теперь они являлись рабами бедных господ, но всё же рабами. Дети владельцев фазенд и сахарных фабрик уезжали в столицу, где учились и становились врачами, адвокатами и даже писателями. А рабы, в том числе и бывшие, без каких-либо перспектив в жизни оставались всё там же, тщетно суетясь, в надежде что им перепадёт хоть клочок какой-нибудь заброшенной тростниковой плантации. Считалось большой удачей, если хозяин выделял участок земли для возделывания на условиях расплаты с ним частью урожая. Того же, что потом оставалось, едва хватало, чтобы наполнить лишь несколько горшков.

Именно так жили Жозе и Антония. С вершины холма на пороге века XX смотрели они на горизонт, и будущее, которое им виделось, выглядело безрадостным.

Тогда ещё почти безлюдный, Кебрангуло, ставший впоследствии муниципальным образованием, являлся одним из округов области Палмейрас дос Индиос, лежащей в алагоанской глуши между так называемым сертаном - засушливым неплодородным районом северо-востока - и побережьем. Жозе и Антония - бабушка и дедушка Гарринчи - были одними из тех без малого пяти тысяч жителей, рассеяных на территории, площадью более чем в 300 квадратных километров, и только-только начавших спокойную мирную жизнь после всех перенесённых невзгод и лишений. В 1889 году накануне провозглашения республики многочисленные шайки проходимцев воспользовались царившим в стране кризисом. Они обворовывали фазенды, угоняли скот, грабили дома, магазины, провоцировали беспорядки и в конце концов испортили жизнь даже уличным собакам. Однако эти мерзавцы были лишь предшественниками настоящих бандитов, вовсе лишёнными того сомнительного шарма, который приписывали им в будущем. Впрочем, историки-краеведы Алагоаса полагают (вероятно, с некоторым преувеличением), что "конец света" в Кебрангуло если и был возможен, то исключительно из-за проделок двух монахов-капуцинов: благочестивого брата Каэтано, постоянно перебивавшего свои чётки, и неистового брата Клементе, бегавшего в сутане по улицам и донимавшего прохожих подзатыльниками, ударами плетью и угрозами отлучения их от церкви.

Жозе и Антонию разгул бандитов не беспокоил. Они были бедны и не имели ничего такого, что могло бы заинтересовать грабителей, в то время как многие вокруг жили в постоянном страхе. И всё же, несмотря на рост преступности и отсутствие перспектив на будущее, в молодой семье всё шло своим чередом. В 1894 году у них родился сын, и его назвали Мануэлом, а в 1897-м - второй, Амаро, которому и суждено было стать отцом Гарринчи. Вслед за ними на рубеже веков родились Мария, Жозе, Изабел и Жоао, и все они носили фамилию Франсиско дос Сантос. Никто из них не считал себя индейцем - их мать была мулаткой, а значит и они тоже. Говоря точнее, они были просто темнокожими бразильцами, рождёнными в нелёгкие времена и тем самым обречёнными на неграмотность, невежество и нужду.

Родина исправно доставляла им все эти "радости жизни" до тех пор, пока старший и самый смыслённый из сыновей - Мануэл - не подрос и не начал искать способы изменить жизнь всей семьи и устроить своё будущее. В возрасте пятнадцати лет, в 1909 году, он покинул деревню и отправился в город, где начал выполнять любую случайную работу. Кебрангуло мог предложить ему не многое, поэтому, как и полагается разнорабочему, Мануэл брался за всё, что подвернётся. Он научился читать, обнаружил, что ему неплохо даётся арифметика (Мануэл

умел производить в уме четыре основных действия), и обзавёлся новыми знакомыми. Одним из таких знакомых стал Жозе Пейшото да Силва из Пернамбуко, называвший себя поэтом и журналистом, а у того была дочь Аделаида, красавица на выдании. Году, примерно, в 1915-м или 1916-м Пейшото с дочерью переехали в Рио, взяв с собой за компанию и Мануэла.

Стараниями Пейшото Мануэл получил место повара в госпитале для больных туберкулёзом "Сан Себастиан" в городке Кажу. Трудился он там исправно, но в приготовлении пищи больным никаких перспектив для себя не видел, поэтому по ночам начал заниматься учёбой и даже сумел поступить в гимназию. Всё это время он был тайно влюблён в дочь Пейшото. Потомку голландцев Пейшото да Силве Мануэл, конечно, нравился, но не настолько, чтобы выдать за него замуж свою единственную дочь - он считал его слишком смуглым для зятя. Пейшото строжайше запретил Мануэлу приближаться к Аделаиде, касаться её даже пальцем и обращаться к ней без слова "сеньорита". И всё же, несмотря на запрет, во время одной из поездок Пейшото по делам в северные штаты Мануэл и Аделаида тайно поженились.

Вернувшись и узнав о том, что произошло в его отсутствие, Пейшото в гневе чуть не разнёс весь дом. Он объявил о лишении дочери наследства и выгнал её вместе с зятем на улицу. Мануэл никак не ожидал такой реакции тестя, но делать было нечего, и он решил искать счастья в других местах.

Одним из таких мест, по его мнению, являлся округ Мажэ, в нескольких десятках километров к северо-востоку от Рио. Мануэл слышал о текстильных фабриках, построенных там англичанами, и решил, что у такого парня, как он, толкового и предприимчивого, трудностей с получением работы не будет. И вот, собравшись, молодожёны отправились в путь навстречу новой жизни.

Мануэл обладал врождёнными задатками лидера и, прибыв на место, сразу взялся за дело. Собрав вокруг себя других мигрантов, рассеянных по всему округу, он организовал их в бригады. Одна бригада очищала реки и осушала болота для гигантской текстильной фабрики "Америка Фабрил", расположенной в соседнем посёлке Пау Гранде, а другая заготавливала дрова, шедшие в топку необъятных котельных предприятия. Если кто-то из его людей пытался отлынивать от работы, Мануэл без лишних слов сам брал топор, выбирал дерево, в одиночку превращал его в груды дров, а затем в назидание давал лентяю хорошую затрецину. Ни один из наказанных возмущаться при этом не решался.

Крепкого телосложения, весом 125 килограммов и ростом метр восемьдесят, Мануэл был фигурой заметной. Некоторые ненавидели его за силу и грубость, но руководившим фабрикой англичанам он нравился. Начальник прядильного цеха мистер Смит, управляющий мистер Холл и директор мистер Линдсей относились к нему как к человеку, заслуживающему доверия.

В Пау Гранде Мануэл оборудовал себе небольшой кирпичный цех рядом с фабрикой и стал её основным поставщиком кирпича. За кирпичное производство

его прозвали Манэ Кайейрой. Впрочем, на этом он не остановился. Постепенно расширяя свою деятельность, он стал ответственным за состояние улиц Пау Гранде, а затем взял на себя ещё и обслуживание проложенных англичанами железнодорожных путей. Менее чем за четыре года, даже не являясь сотрудником компании "Америка Фабрил", он сделался для неё незаменимым человеком. Получив из Алагоаса известие о смерти родителей, Мануэл понял, что время пришло, и начал разыскивать своих братьев и сестёр, чтобы те могли жить и работать у него. К нему переехали все, кроме Амаро.

Амаро уже не было в Кебрангуло, когда его родные вместе с Мануэлом садились на пароход, следовавший в Рио де Жанейро. В 1923 году в возрасте 26 лет он уехал на поиски лучшей жизни в город Олинду штата Пернамбуко и там начал работать сапожником. По слухам, мастером он был неплохим, только вот история не очень-то балует своим вниманием представителей этой профессии. В отличие от Мануэла, у Амаро не было столь широкого выбора рода занятий. Он умел лишь кроить кожу, проделывать в обуви отверстия для шнурков, забивать гвозди и больше ничего. Читать, писать и считать он так и не научился. Единственной для него возможностью соприкоснуться с просвещённым миром являлись импровизированные представления бродячих актёров, а единственными президентами республики, чьи имена он знал, были Деодоро и Флориано - да и то только потому, что оба они оказались родом из Алагоаса.

Лучшее, что удалось сделать Амаро в Олинде, - это жениться в 1924 году на хрупкой светложерой 23-летней мулатке из Пернамбуко Марии-Каролине. В декабре того же года он получил от разыскавшего его Мануэла телеграмму с приглашением приехать. При этом для прочтения послания Амаро вынужден был обратиться за помощью к почтальону. Затем он попросил написать за него, что с радостью приехал бы, но у него жена на последних сроках беременности и должна уже вскоре родить. Мануэл ответил, чтобы, как только ребёнок родится, Амаро забирал семью и приезжал.

У них родилась девочка, и её назвали Розой, а двадцать дней спустя Амаро и Мария-Каролина с младенцем на руках ступили на палубу парохода.

В один из дней начала января 1925 года Мануэл встретил их в Рио на причале около площади Кинзе и отвёз в Пау Гранде, где поселил на территории своего кирпичного цеха. Амаро снова взялся за сапожное дело в небольшой мастерской, обустроенной для него братом неподалёку от Раиз да Серра. Потом некоторое время он работал непосредственно в цеху, изготавливая кирпичи, а вскоре нашёл своё настоящее призвание: начал руководить бригадами Мануэла, подгоняя работников своим хриплым басом, чтобы те не расслаблялись. Мария-Каролина занималась приготовлением пищи для "камарадас" - так называли рабочих-подрядчиков. Хрупкая, как соломинка, она держалась стойко и ежедневно кормила десятки человек. В меню было крокодилёе мясо, вяленая говядина, маниоковая каша на воде и кофе с неочищенным тростниковым сахаром. Кроме того, Мария-

Каролина умела колдовать, заговаривать раны и болезни, а ещё снимать порчу и сглаз.

Семья переехала в дом на улице, которая называлась Шикейро, что в переводе с португальского означает "скотный двор". Да, название, конечно, ещё то, но место оказалось довольно живописным: на берегу реки неподалёку от водопада. Во дворе дома Мария-Каролина завела кур, свиней и коз. Сама она никогда их не резала и смотреть на это действие не могла, поэтому обязанность по заготовке мяса лежала на Амаро. Когда начинался дождь, Мария-Каролина спешила спрятать животных в укрытие, словно все они были её домашними питомцами. Она даже разговаривала с ними, а некоторым давала клички.

И вот, в этом тихом уголке в условиях относительного благополучия Мария-Каролина родила своих первых сыновей. Их назвали Жозе и Сисеро. Потом родилась ещё одна девочка, Мария де Лурдес, а в 1933 году - третий мальчик, которого в честь своего деверя и благодетеля Мария-Каролина назвала Мануэлом и которого через несколько лет все в посёлке стали звать Гарринчей.

В то время, если бы любого местного жителя спросили, куда он хотел бы попасть после смерти, скорее всего, получили бы такой ответ: "Как куда?! В Пау Гранде!" Какого рая было ещё желать? Мёд в Пау Гранде струился ручьями, люди жили и трудились в мире и спокойствии, а природа проявляла всю свою неопишумую щедрость. Для каждого жителя посёлка небесный рай начинался прямо здесь, и, чтобы пребывать в нём, никакой необходимости умирать не было. Так продолжалось до тех пор, пока Пау Гранде целиком и полностью не угодил под покровительство некой высшей власти, всеобъемлющей и непререкаемой, - власти англичан. Точнее говоря, фабрики или, номинально, компании "Америка Фабрил".

Когда в 1871 году первые группы англичан прибыли в округ Мажэ, красивейшее место у подножья цепи холмов Оргаос, изрезанное реками и водопадами, большая его часть ещё не была затронута человеческой деятельностью. В общем - идеальное место для строительства фабрики. С помощью распиравших их сейфы фунтов стерлингов англичане проложили дороги, возвели плотины и построили фабрики в Андориньясе, Санто Алейшо, Эстреле и Мажэ. Все эти предприятия процветали, но ни одно из них не могло сравниться по размерам и прибыльности с фабрикой компании "Америка Фабрил", расположенной в местечке, из-за неё и получившем название "Пау Гранде".

Строительство начали с того, что свалили многовековое дерево, - вероятно, сумауму, судя по размерам, приписываемым ему местными преданиями: крона - 40 метров в высоту, а толщина ствола такова, что тридцать человек, взявшись за руки, не могли его охватить. Оно и было тем самым "пау гранде", что в переводе означает "большое дерево", давшим название местности. Из его древесины

построили цех по производству кожаных передаточных ремней, необходимых для гидравлических турбин, приводивших в действие механизмы всей текстильной фабрики. И всё же, наверное, сумаума была принесена в жертву не напрасно - из дерева родилась фабрика, а вокруг неё возник посёлок Пау Гранде, ставший в начале XX века одним из районов города Мажэ, таким же, как и соседние районы Раиз да Серра и Фрагозо.

В Пау Гранде фабрике принадлежало всё. А говоря точнее, всё и было самой фабрикой. Фабрика построила дома для бесплатного проживания своих почти 1200 работников и членов их семей, прибывших со всего штата Рио де Жанейро и с северо-востока страны, замостила улицы, провела в посёлок свет, воду и канализацию, открыла школу, медицинский пункт и аптеку. Врачебная помощь и лекарства предоставлялись работникам бесплатно. Бесплатными были также молоко, школьные завтраки и учебные принадлежности. Раз в неделю к дверям каждого дома фабрика доставляла по нескольку вязанок дров для печи. Если кто-то из работников собирался выдавать замуж дочь, ему достаточно было обратиться к директору, и немедленно специальная фабричная бригада начинала ремонт дома: красила стены, укрепляла потолок и каркас, чтобы жилище потом можно было надстроить и расширить, поскольку предполагалось, что зять будет жить в доме своего тестя. Как и у родителей, у детей были такие же льготы и вполне ясно очерченная перспектива будущего. При рождении ребёнка запись об этом делалась в специальной карточке, которая затем отправлялась в архивы администрации. В 7 лет ребёнок поступал в школу, с 14 - начинал работать на фабрике, где ему выдавалось удостоверение и предоставлялись все права работника, а в возрасте 44 лет - мог уйти на пенсию. Так и проходила вся жизнь.

Часть свободного времени люди проводили на природе. Взрослые и дети купались и ловили рыбу в многочисленных реках или охотились в окрестных лесах. Поскольку всем вокруг владела фабрика, нигде не было ни заборов, ни преград, ни запрещающих вход надписей. По крайней мере, до 1940 года рыба в реках региона водилась в изобилии, в небе парили тучи птиц, и можно было, буквально, споткнуться о всякого рода живность: броненосцев, капибар, обезьян и прочих представителей фауны, известных теперь лишь по названиям, да и то взятым из списков исчезающих видов.

То, чего не могла дать природа, людям давала фабрика. Она давала им карнавал, футбол и кино, правда, следуя новым веяниям без особой спешки. В Пау Гранде был кинотеатр, в котором в эпоху "немого" кино происходящее на экране сопровождалось музыкой дуэта фортепиано и скрипки. Во время смены катушек с плёнкой свет в зале включали, поскольку кинопроектор имелся всего один. К 1930-му году кино везде уже показывали озвученное, а в Пау Гранде фильмы оставались "немыми" до конца десятилетия, пока в кинотеатре, наконец-то, не установили звуковую аппаратуру. Местные карнавалы проходили весело, но последний танец заканчивался уже в 11 часов вечера, так как следующим утром на

фабрике снова начинались трудовые будни.

Футбол в посёлке возник в 1908 году, когда англичане привезли первые мячи, научили рабочих с ними обращаться и организовали спортивный клуб "Пау Гранде". Предназначался клуб для всех: игровое поле не огораживалось и никакой платы за вход не взималось. Футболисты относились к разряду любителей и оставались ими даже после того, как в 1933 году профессиональный статус спортсмена в стране был утверждён официально. Чтобы выступать за команду "Пау Гранде", нужно было обязательно являться работником фабрики и членом клуба, где в той или иной форме футболистов за игру вознаграждали.

Срок действия концессии, по которой англичане эксплуатировали фабрику, через двадцать лет истёк, и на предприятии обосновались три национальные промышленные группы: "Роша Фариа", "Сеабра" и "Бебиано". Тем не менее, на всех важных руководящих постах оставались англичане, а бразильцы доходили, самое большее, до должности старшего мастера. Главенство англичан и компании "Америка Фабрил" продолжалось в Пау Гранде, по крайней мере, до 1950 года. Единственными автономными видами предпринимательства были земледелие, некоторые виды услуг и мелкая торговля. Однако автономными ещё не значит независимыми. Все в посёлке зависели от одной "большой мамы", коей являлась фабрика.

Вот таким был Пау Гранде - почти отрезанной от внешнего мира, буквально, закрытой территорией. До Второй мировой войны на въезде в посёлок стояли чёрные деревянные ворота, охранявшиеся часовыми, и каждый прибывавший посторонний в подтверждение своей личности должен был предъявить документ. К числу посторонних относилась даже сама префектура округа Мажэ, поскольку в делах Пау Гранде власти не принимали никакого участия. Впрочем, никто и не ждал, что это чиновничье ведомство распорядится прочистить хоть одну канализационную трубу или заменить в уличном фонаре лампочку. Когда закончилась война и мир узнал об ужасах фашизма, появились и такие, кто сравнивал живший обособленно Пау Гранде с концентрационным лагерем. Жители посёлка возмущались таким сравнением, ведь выезд и въезд для них был свободным - просто никто не желал уезжать. У работников остальных филиалов компании "Америка Фабрил", в том числе и в Рио, зарплаты были хоть и побольше, но никто из них не имел таких льгот, какими пользовались работавшие на фабрике жители Пау Гранде.

Другие ткацкие производства региона трясло от частых забастовок (по невыясненным до сих пор причинам именно трудящиеся текстильной промышленности оказались способнее всех остальных пролетариев в разучивании и исполнении "Интернационала"). Во время одной из таких забастовок в 1918 году триста рабочих, вооружённых револьверами и ружьями, двинулись в направлении Мажэ, чтобы захватить там какую-то фабрику, но, прийдя на место, нашли её опустевшей и закрытой. Тогда, в самом начале беспорядков, многие из

бастовавших были арестованы, и таким образом удалось избежать стрельбы, иначе последствия могли бы оказаться крайне тяжёлыми. Ничего подобного никогда не случалось в Пау Гранде. На фабрике имела место пара забастовок, но они были кратковременными и вполне мирными. Англичане сумели внушить пауграндцам мысль об их превосходстве над жителями соседних округов, и поэтому все: и белые, и чёрные, и метисы - считали себя уже стоящими одной ногой, босой, правда, в кругу аристократов.

Всё это отражалось и на производственных взаимоотношениях, и на личных. Люди в Пау Гранде жили одной большой семьёй, скреплённой многочисленными браками, как между представителями разных рас, так и между родственниками. Это был типичный пример одного из многих небольших населённых пунктов, в которых о существовании таких явлений, как воровство, грабёж или убийство, люди узнавали лишь из газет. Ну разве что, раз в год кто-нибудь мог пожаловаться о пропаже курицы, и, если бы не длиннолапые болотные комары, никто и не подумал бы закрывать на ночь окна и двери своего дома.

Такое положение дел очень помогало администрации фабрики контролировать ситуацию в посёлке. От охранников порядка, днём и ночью курсировавших по улицам, руководство знало обо всём, что происходило в каждом доме. Степень контроля доходила до того, что директора-англичане вмешивались даже в самые интимные стороны жизни семьи - вплоть до обучения людей основам гигиены. Матерей вызывали в кабинет, чтобы проинструктировать их на португальском языке с оксфордским произношением: "Ребёнок попа нужно вытирать! Здесь ребёнок не ходить с грязная попа!"

Если какая-нибудь супружеская пара ссорилась и до отхода ко сну не успевала помириться, на следующее утро оба - и муж, и жена - вызывались к директору для улаживания семейных взаимоотношений. Если кто-то из работников поднимал руку на жену или грубо обращался с детьми, он получал строгое порицание. В случае же повторного проступка, англичане прибегали и к физическому наказанию: порке школьной линейкой. Такие меры никого не возмущали, а у некоторых даже вызывали одобрение, поскольку вид взрослого бородатого мужчины, привязанного с вытянутыми руками и получающего по ним щелчки линейкой, якобы напоминал старые британские школы. Однако это был всего лишь Пау Гранде или, точнее, - "Америка Фабрил", а директор фабрики слыл мастером на все руки: и префектом, и полицейским, и судьёй, и даже если надо, - "палачом".

Манэ Кайейра сумел устроиться в Пау Гранде и разбогатеть. Уже давно он был в посёлке одним из немногих, кто имел автомобиль, радиоприёмник и прочие атрибуты комфортной жизни. Однако, его братья, в том числе и Амаро, несмотря на оказанную им помощь и поддержку, в душе так и оставались жителями сертана, продолжая топтаться на месте и довольствоваться, примерно, тем же

образом жизни, что вели они в Алагоасе. Может, это потому, что пейзажи обеих местностей были схожими: в Кебрангуло - цепь холмов Баррига, а в Пау Гранде - цепь холмов Оргаос? Когда они прибыли в посёлок, вещей в их холщёвых сумках лежало совсем не много: по паре кожаных сандалий да по паре рубашек в полоску, но главное, что привезли они с собой, - это неизбывные черты сертана: звон гитары, гамаки, суеверие, развешанные по всему дому бутылки с кашимбо и та природная естественность, с которой рожают внебрачных детей.

Кашимбо - это смесь тростниковой водки с пчелиным мёдом и стеблями корицы, хранящаяся в бутылках, обёрнутых в кору пробкового дерева и подвешенных к балкам потолка, - этакая домашняя заготовка на все случаи жизни. Как средство опьянения и увеселения кашимбо не использовался - во всяком случае, его готовили не для этих целей. Только глава семьи имел право пробовать и определять степень готовности напитка, а единственным его предназначением было лечебно-профилактическое. Женщины принимали его во время беременности и после родов весь период грудного вскармливания младенца. Взрослые и дети пили его как слабительное средство и как микстуру против гриппа, глистов, коклюша, астмы и зубной боли. В качестве успокоительного его давали даже младенцам: по одной-две ложки на ночь, если у них наблюдался беспокойный сон.

В Алагоасе Амаро и его братья и сёстры, буквально, выросли на кашимбо. В Пау Гранде с детьми Амаро, в том числе и с Гарринчей, происходило то же самое.

Амаро был невысоким, коренастым, с кожей цвета древесной коры, приплюснутым носом и жёсткими выющимися волосами. Говорил он по-крестьянски с ошибками, стриг ногти и удалял мозоли перочинным ножиком - тем же, что использовал для нарезания листьев табака, которые потом скручивал в сигары и курил. Человеком он был весёлым, подвижным и в буквальном смысле слова взрывным. Днём его рождения было 13 июня (как раз праздник в честь Святого Антонио), и сей факт он использовал как повод целый месяц запускать пиротехнические ракеты. Он сам их изготавливал, сооружал из них целые батареи, поджигал фитиль и отбегал, разгоняя ребятню криками: "А ну - в сторону! Сейчас будет огонь!" Удивительно, что при этом он ни разу не обжёгся и не поранился.

Амаро самостоятельно научился играть на гитаре и сочинял песни. Отсутствие образования и узость кругозора, конечно, не позволяли ему тягаться с такими музыкантами Пау Гранде, как Антонио Пиньейро и Барбоза "Железный", получивший своё прозвище из-за "лошадиных" доз выпиваемой им кашасы - тростниковой водки, но куплеты Амаро были довольно благозвучны. Ещё Амаро умел резать коз. По просьбам соседей он свеживал их каждые выходные по двадцать-тридцать туш. В качестве платы за работу он забирал потроха, печень, кровь и головы животных, из которых потом стряпал для себя и своих друзей угощение.

При таких манерах и привычках Амаро, тем не менее, был человеком набожным. Больше всего он почитал Святого Жорже - вероятно, из-за их общей любви к лошадям. На церковных процессиях он не ограничивался одним лишь своим присутствием, но также помогал нести образ Пресвятой Богородицы, а при встрече со священником целовал тому перстень.

Часто Амаро седлал своего гнедого жеребца по кличке "Чемпион", названного так в честь коня Джина Отри, знаменитого "поющего ковбоя", и отправлялся в путь, но отнюдь не на поиски злодеев - его целью были женщины всей округи.

И одинокие, и замужние, все они считались его кумами. Амаро называл их так потому, что они регулярно приглашали его стать крёстным отцом их младенцев, многие из которых вполне могли приходиться ему родными. По приблизительным подсчётам в Пау Гранде и окрестностях Амаро был отцом, по меньшей мере, 25 детей, не считая девяти в его собственной семье. Это значит, что у Гарринчи было, как минимум, тридцать братьев и сестёр, а не восемь, как принято считать официально.

В отношении своих кум Амаро действовал расчётливо и стремительно. Повязав себе на шею платок и прикрепив к поясу кинжал, он садился на лошадь и с благородным видом, как того требовала ситуация, медленно проезжал по округе. Остановившись у дома знакомого семейства, он делал несколько хлопков в ладоши, а когда хозяйка выходила и приглашала в гости, спрашивал, дома ли кум. Если дома, Амаро, не слезая с лошади, желал им всего хорошего и двигался дальше. В отсутствие мужа он принимал приглашение на чашку кофе и, по слухам, в девяти случаях из десяти в считанные минуты получал то, за чем являлся.

Друзья как-то раз спросили Амаро, не стыдно ли ему домогаться собственных кум, а тот в своё оправдание ответил: "Так ведь кума - она мне только с головы до пояса кума!"

Многие мужья знали или догадывались о похождениях Амаро к их жёнам, о тянувшейся за ним славе "жеребца-производителя", топчущего чужую "пашню", и тайне надеялись, что однажды он всё же попадётся на прицел кому-нибудь из разгневанных "рогоносцев". Однако в первой половине XX века преступлений на почве ревности в районе Пау Гранде зарегистрировано не было. А в случае с Амаро, ни одного главы семейства, готового расписаться в наличии у себя "рогов", так и не нашлось. Здесь, правда, не последнюю роль могло сыграть и то, что, помимо родства Амаро с Манэ Кайейрой, влиятельным в Пау Гранде человеком, он к тому времени уже работал на фабрике охранником, а по местным правилам охранник считался кем-то вроде начальника с почти полицейскими полномочиями.

В фуражке и форме жёлтого цвета Амаро расхаживал по улицам посёлка, в основном вечером и ночью, охраняя порядок и покой жителей. Работа его состояла в пресечении ссор, разнятии дерущихся как в домах, так и в барах и

разгоне дерзких парочек, занимавшихся любовью в укромных уголках территории спортклуба "Пау Гранде".

Поступки Амаро не таили в себе ни капли лицемерия. Он был моралистом, и, если кто-то из его сыновей слишком долго находился наедине с несовершеннолетней, обязывал того жениться, так как считал, что только взрослые могут знать, что и зачем они делают, и им не в чем потом друг друга упрекать. Кроме того, Амаро никогда не использовал своего положения в обществе, чтобы добиваться благосклонности женщин. Его примитивные манеры выглядели, можно сказать, даже галантно. Хриплым вкрадчивым голосом он расхваливал женские волосы, талию, ягодичцы, особенно, если они были пышными и округлыми. Делал он это так, что в случае неудачи запросто мог убедить всех, что просто пошутил. В общем, если мужчины в посёлке и побаивались его из-за того, что он приходился братом Манэ Кайейре, это была их проблема.

Несмотря на такую невольную безнаказанность, дававшую ему возможность выбирать лучшее, в вопросах женской красоты Амаро был непритязателен: "Главное - дышит и ладно". Да и этот критерий он, похоже, отбросил. Несколько раз во время церемоний ночного бдения над покойными люди слышали, как он спрашивал полушутливо-полусерьёзно: "Ну, что, кума, замёрзла?"

Для него не существовало различий ни по цвету кожи, ни по внешности, ни по возрасту. Как-то раз, проезжая в повозке по улице Кашозэйра, он увидел на обочине дороги незнакомую пожилую женщину и попросил кучера:

"Останови-ка. Я сойду".

Не знавший его "вкусов", извозчик ещё попытался его отговорить:

"Да это же старуха, сеньор Амаро!"

На что прозвучал глубокомысленный ответ:

"Старуха тоже имеет право!"

Амаро подошёл к женщине, они немного поговорили и направились в ближайший лесок.

Однажды кто-то назвал Амаро "ловеласом" - словом, не входившим в его словарный запас. Рассердившись, Амаро схватил длинный нож для разделки рыбы, чтобы проучить "наглеца", посмеявшего его оскорблять. Когда же ему объяснили значение этого слова, он успокоился и даже порадовался такому определению, при этом скромно приписав часть своих "заслуг" утренней пищевой диете, состоявшей из бычьего окорока, утиных яиц, лианового сока и чая из листьев катуабы - продуктов, считавшихся в простонародье афродизиаками. Непонятным остаётся только, каким образом его пресловутая половая гиперактивность могла сочетаться с немислимым количеством выпиваемой им кашасы.

Как и все его братья, за исключением лишь Манэ Кайейры, Амаро был алкоголиком. Потребление кашимбо с раннего детства выработало у него

невиданную алкогольную выносливость, которую он часто демонстрировал независимо от того, сколько литров выпивал, при этом философски заявляя: "Кашаса нужна, чтобы веселиться, а не опускаться". Амаро презирал пьяниц, набравшихся в кабаках до безобразия, а потом валявшихся на улицах. Он считал, что местом выпивки должен быть свой дом или дом друзей, и всегда следовал этому принципу.

Часто он смешивал кашасу со смородиной, привязывал бутылки верёвками и бросал в реку или в бочку с водой, чтобы охладить, а когда появлялся повод выпить, вытаскивал заначку. Пил он её и в чистом виде, причём помногу и без всякого повода, но пьяным его можно было увидеть очень редко, разве что во время встреч с друзьями или на музыкальных вечеринках местных бардов. А по утрам после ночных возлияний никто и никогда не слышал, чтобы он жаловался на похмелье.

Когда в 1933 году родился Гарринча, Амаро исполнилось 36 лет, и он был в самом расцвете сил. Так продолжалось ещё какое-то время, пока его организм, вынужденный ежедневно на протяжении многих лет переваривать литры алкоголя, не предъявил ему счёт в момент, когда он меньше всего этого ждал. Есть свидетельства о том, как однажды в конце 1940-х годов почти уже пятидесятилетнего Амаро принесли с улицы домой на руках, и о том, как, раздевшись перед сном, он долго бродил в таком виде по двору дома, сам не понимая, что делает. И почти точно известно, что импотентом он стал ещё до достижения шестидесятилетнего возраста. От бывшего легендарного Амаро, чьи любовные похождения веселили и удивляли весь Пау Гранде, остался лишь угасавший на глазах старик.

Постепенно Амаро начали забывать, но дух его и способности продолжили жить в том, кто пришёл ему на смену и чья звезда засияла собственным, неповторимым светом.

Глава 2.

ДЕТСТВО

1933 - 1952 гг.

Когда Мануэл родился, акушерка донна Леонор первой заметила, что ноги у мальчика искривлены. Левая у него была выгнута во внешнюю сторону, а правая - параллельно во внутреннюю. Этот дефект Мануэл унаследовал от матери, хотя у той ноги были искривлены гораздо меньше. Если бы в детском возрасте ему надели специальное корректирующее ортопедическое устройство, ноги у него в скором времени выпрямились бы. Только кому было думать о таких вещах на улице с названием "скотный двор" в маленьком провинциальном Пау Гранде в 1933 году.

Свидетельство о рождении Мануэла оказалось оформлено неправильно и с задержкой. Из-за ошибки в дате рождения ребёнка всю первую неделю ноября Амаро потратил на поездки в нотариальную контору в Раиз да Серра. Он назвал дату 18 октября, а следовало указать 28-е - именно в этот день родился Мануэл: 28 октября 1933 года. Нотариус высокомерный сеньор Корнелио не стал вдаваться в подробности имени. Когда он спросил, как зовут мальчика, и Амаро ответил: Мануэл, так просто и записал: Мануэл.

Для нотариальных контор Бразилии это было обычной практикой и вовсе не означало, что ребёнок не имел фамилии. Понятно, что сына Амаро Франсиско дос Сантоса и Марии-Каролины дос Сантос зовут Мануэл дос Сантос, но никто не обязан был знать, что имя "Франсиско" являлось частью фамилии Амаро и следовательно всей семьи. Много лет спустя, когда Мануэл уже носил прозвище Гарринча и работал на фабрике, его начальник сеньор Бобоко добавил ему в учётной карточке имя Франсиско, чтобы избежать путаницы с другими Мануэлами по фамилии Дос Сантос, работавшими в компании "Америка Фабрил". Тем не менее, во всех официальных документах, которые Гарринча получал в будущем, он был записан только как Мануэл дос Сантос.

Мануэл - пятый ребёнок Амаро, по крайней мере, от Марии-Каролины. После него с большими интервалами в семье родились ещё четверо: Жозефа, Антония, Тереза и Жорже. Неудивительно, что Амаро, для которого непосильной задачей было умножить два на два, запутался с датами рождения своего потомства. Вот уж кто не забывал дня рождения Мануэла, так это его старшая сестра и одновременно крёстная Роза. Когда Мануэл научился говорить, он стал звать её "Во", что означает "бабушка", хотя Роза была старше всего на восемь лет и десять месяцев. В свою очередь все, кто не называл его Мануэлом, звали его "Камизинья", то есть "рубашонка", поскольку он всё время ходил в одной и той же вязаной рубашке, измазанной слюной от соски, висевшей на верёвочке у него на шее, с оголённым пупком и в то и дело спадавших коротких штанишках.

Амаро тогда ещё не был работником компании "Америка Фабрил" (он стал им только в 1940 году), следовательно, и он, и его дети оставались вне поля зрения дирекции фабрики, поэтому Мануэл рос в условиях почти первобытной свободы. Он мог часами гулять по лесу, и никто не беспокоился из-за его отсутствия. Другой стороной такой свободы были запущенность и неряшество. Лишь изредка кто-нибудь подстригал ему ногти и прочищал зубы и уши, и уж совсем никто не заставлял его высмаркиваться и расчёсывать волосы. Даже несмотря на то, что однажды его случайно оставили на всю ночь на улице под проливным дождём, практически брошенным на произвол судьбы, Мануэл выжил.

Обуви у него не было, поэтому от хождения босиком по лесам и мощёным камнем улицам подошвы его ступней покрылись жёсткой коркой. Ездить верхом на лошади отца он научился ещё раньше, чем смог самостоятельно на неё садиться. Пользуясь своей безнадзорностью, он повадился ходить на реку

Иньомирим и подолгу плавать там в компании сомов и угрей.

Все, знавшие Мануэла с детства, отмечали его приветливость и мягкость характера. Он рос мальчиком необычайно добродушным, не способным перечить не только старшим, но и своим ровесникам. Говорил мало и негромко, однако при всём этом был почти неуправляем. Когда его ругали за воровство сладостей или печенья из кладовой, он виновато улыбался и при первом же удобном случае снова делал то, что ему запретили. За это он иногда получал айвовым прутом по "мягкому месту", но всё же меньше, чем заслуживал, - он был маленького роста, гораздо ниже, чем обычно дети в его возрасте, и всем своим видом внушал чувство жалости и умиления.

"Маленький, как гарринча!" - заметила однажды это сходство Роза. Она и начала звать его этим именем. Гарринча или гарриша - так на северо-востоке Бразилии называют маленькую доверчивую птичку с красновато-коричневым оперением и чёрными полосками на спине, питающуюся мелкими насекомыми и пауками. Поёт она красиво, но не способна жить в неволе. В Пау Гранде их было видимо-невидимо. Прозвище прижилось, и уже к четырём годам Мануэл был Гарринчей для своих родителей, братьев и сестёр, а также друзей и знакомых.

Гарринча не выносил никаких ограничений. До семи лет он только и делал, что купался в реке, гонял мяч и охотился на птиц. Эти маленькие существа самым тесным и лирическим образом оказались связаны с его имиджем в будущем, хотя в детстве, стреляя по ним из рогатки, он погубил их немало. Бил он и других птиц, а не только своих "тёзок". Даже просто швыряя камень рукой, он был меток как никто другой, независимо от того, была ли целью наивная колибри или другая, менее доверчивая птица. Его глазомер являлся предметом зависти всех ребят в посёлке. Домой он приносил до 48 птиц, сбитых за одно утро.

Если спустя годы пернатых в Пау Гранде стало меньше, то это из-за мальчишек поколения Гарринчи и его самого - для них мишенью служило всё, что летало. Судьба этих птиц после ощипывания состояла в "возрождении" в качестве пищи для ребят, приготавливаемой их матерями, чтобы дети могли подкрепиться в промежутках между завтраком, обедом и ужином. Только к Гарринче это не относилось. Он был единственным, кто не следовал старой заповеди, гласившей: убил - должен съесть. Гарринча охотился не для того, чтобы есть, а просто так. И не птичье жаркое было любимым его лакомством - вплоть до того, как Гарринча повзрослел, он предпочитал рис, фасоль и макароны.

Убивать ради того, чтобы убивать, занятием оказалось увлекательным, и впоследствии, начав работать на фабрике, он купил себе ружьё, с помощью которого расширил свой охотничий арсенал. От старших он узнал, что певчих птиц лучше ловить силками. Современники рассказывали, как Гарринча иммитировал движения птиц и прыгал на корточках, думая, что так он их приманит. Конечно же, это не срабатывало, но, похоже, он нашёл другой способ обмануть их, а с ловушкой научился управляться не хуже, чем с рогаткой. К

десяти годам у него дома стояло уже тридцать клеток с самыми красивыми птицами тех мест.

На покупку проволочных клеток денег не было, поэтому мальчишки, включая и Гарринчу, сами мастерили их из древесных прутьев или из тонких палочек, выпадавших из ракет, которые люди запускали во время праздников. Однако после поимки и помещения птиц в клетки Гарринча терял к ним всякий интерес. Одна только Роза чистила эти клетки и кормила пернатых. Когда Гарринча хотел купить себе чего-нибудь сладкого, например, медовых конфет на палочках, он брал одну из клеток с птицей и шёл продавать.

В таком "осадном" положении в округе жили не только птицы, но и практически вся фауна. В то время как мальчишки из богатых семей ходили в обуви, носили в кармане расчёску и довольствовались лишь ловлей муравьёв летом, у Гарринчи и его таких же босоногих друзей охота была гораздо более разнообразной и длилась круглый год. Охотились они на кроликов, морских свинок, агути и опоссумов, используя как верёвки, так и дубинки. Говорят, что Гарринча охотился даже на змей. Другой его страстью была рыбалка. Он мастерски обращался с крючком и считался почти экспертом по различным видам наживки. Ещё он использовал корзину наподобие сита или приманивал рыбу подкормкой и старался проткнуть её вилами. Не отказывался он и от примитивного способа, которым действовали древние индейцы, бросая большой камень на рыбу, проплывавшую в это время над другим камнем у самой поверхности воды. Конечно, от расплюсченной ударом рыбёшки мало что оставалось для жарки, но для Гарринчи вся радость каждый раз заключалась в осознании, что человек хитрее рыбы, а не в том чтобы увидеть её на сковородке.

У маленького Гарринчи не было ни роликовых коньков, ни велосипеда, ни водного пистолета-брызгалки, как, впрочем, и у многих детей того времени. Его никогда не одевали в "матроску", но зато с детства он участвовал в таких играх, о каких можно только мечтать. Дело в том, что в 1940-е годы, когда футбол стал, практически, вторым естеством всей нации, в "джентльменский набор" любого бразильского мальчишки обязательно входил мяч. Правда, только дети из богатых семей могли позволить себе играть чудесными мячами марки "Супербол" из коричневой кожи, какие использовались в официальных матчах. Другие же были вынуждены изготавливать их из подручных материалов. Первый мяч, которым играл Гарринча, был сделан из старого носка его дяди Манэ Кайейры. Носок набили тряпками вперемешку с обёрточной бумагой и зашили. Ещё мячи изготавливались из мочевого пузыря животных, и Гарринча однажды сделал такой мяч сам. Раздобыв козий пузырь, он надул его и завязал отверстие. Не был кожаным и первый его настоящий мяч.

Этот красный резиновый мяч Роза купила за 5 тысяч крузейро в лавке португальца Антонио Барбейро и подарила Гарринче на день его рождения. В

месте закачки воздуха у мяча имелся небольшой выступ, часто доставлявший болезненные ощущения при игре головой. Впрочем, Гарринче вовсе не нужно было являться хозяином мяча, чтобы обеспечить себе участие в игре - он уже играл лучше всех ребят на улице. А обладание собственным мячом означало лишь то, что теперь у него была своя игрушка, он мог гонять его в одиночку, обводить деревья, бить им о стены и не зависеть от других.

После всех опасностей, которым Гарринча подвергся на реке и в лесу, не получив даже царапины, единственный несчастный случай его детства произошёл с ним во дворе родного дома. Это был дом на улице Касадорес, куда семья переехала после того, как Амаро начал работать охранником на фабрике. Наигравшись в футбол, Гарринча пришёл домой пообедать, и его укусил Лев - так звали одну из собак отца. Никто не мог понять, что же на пса нашло. Лев был обычной дворнягой, которая только и делала, что чесалась да спала, но в тот день он вдруг набросился на мальчика, повалил и чуть не вцепился ему в горло. Пока его отгоняли от лежавшего на земле Гарринчи, Лев успел прокусить ему руку. Амаро без рассуждений вынес ружьё и пристрелил пса. В тот же день по рекомендации аптекаря сеньора Валтера он повёз Гарринчу в Рио на обследование и прививку против бешенства. Сеньор Валтер посоветовал также отрезать у пса голову и показать её врачам. Роза поехала вместе с ними, держа в руках завёрнутую в газету собачью голову.

В медицинском пункте на улице Маррекас ни у Гарринчи, ни у собаки ничего подозрительного обнаружено не было, однако, как говорится, бережёного Бог бережёт.

Это происшествие послужило Амаро и Марии-Каролине сигналом: они наконец осознали, что их сын растёт как сорная трава. Остальные их дети такими не были. С того момента они начали пытаться его воспитывать. Именно тогда Гарринчу обули в первую в его жизни пару ботинок, в которых он пошёл на своё первое причастие и которые снял, как только церемония завершилась. Тогда же, в 1941-м, в начале учебного года его отправили в школу, и никто уже не мог упрекнуть Амаро в том, что он ничего не делал для сына.

Принадлежавшая фабрике школа носила название "Сантана", а учителей Гарринчи в первом классе звали дона Олиндина и дона Мария дас Дорес. Обе казались просто святыми: для них было догмой, что все дети хорошие, и никого в классе они не ругали. Несмотря на то, что Гарринча часто прогуливал уроки, чтобы поохотиться, порыбачить или погонять мяч, они перевели его во второй класс. Здесь всё оказалось уже по-другому. Новой учительницей была дона Сантинья, с чьей строгостью некоторые дети уже сталкивались, а остальным это ещё предстояло. По её мнению, хорош был только тот ученик, который правильно отвечал на заданные вопросы и прилежно выполнял домашнее задание. Гарринча в полной мере испытал на себе строгость доны Сантинья, но всё же, благодаря ей, научился хоть как-то читать - достаточно, чтобы прочитать журнал комиксов или

субтитры к кинофильму, если они сменялись не слишком быстро. То же самое было и с каракулями, которыми он подписывался потом на протяжении всей своей жизни.

Его успеваемость, между тем, не позволяла перевести его в третий класс начальной школы, к огромному разочарованию Амаро, который долго и недовольно хмыкал и, в конце концов, выдал фразу, характеризовавшую, по его мнению, будущее сына:

"Пустоголовым в жизни не светит!"

Все попытки внушить Гарринче хотя бы минимальное чувство ответственности потерпели провал. Амаро обязал его ходить на пастбище косить сено для лошади. Гарринча отправлялся на задание вовремя, но по пути часто присоединялся к играющим в футбол ребятам, вечером без сил возвращался домой и валялся спать, а лошадь оставалась на голодном пайке. В наказание отец лупил его прутом или поясным ремнём, однако всё бестолку. Гарринча и сам делал попытки дисциплинировать себя, но тоже безуспешно. Предложил он однажды местной кондитерше доне Глоринье помогать продавать приготавливаемые ею кокосовые конфеты и печенье у ворот фабрики, но к концу торговли стоимость отсутствовавшего товара не совпала у него с суммой выручки: Гарринча сам ел сладости в счёт своего заработка и в итоге всегда оставался должен. В конце концов, дона Глоринья поняла, что ему не дано быть предпринимателем.

Кое-что, тем не менее, Гарринче было ещё как дано. Живя в окружении кур, коз и лошадей, которые часто и бесцеремонно спаривались, деревенские мальчишки с ранних лет не верили в миф о приносящем детей аисте. Мало того, они и сами были охвачены мыслями о сексе, и эта их "озабоченность" не уступала кроличьей. Не стал исключением и Гарринча, но, хотя в одиннадцать лет от частого возбуждения у него едва не лопались штаны, он всё же был романтиком и лелеял мысли о любви. Только ни одна из живших по соседству девочек внимания на него не обращала.

И вот, когда в двенадцатилетнем возрасте у Гарринчи случился первый сексуальный контакт, всё произошло не совсем так, как он мечтал. Дело в том, что его "партнёршей" была... коза.

В этом нет ничего шокирующего - такова история девяноста девяти процентов мальчиков в бразильских деревнях 1940-50-х годов. Гарринча делал всего лишь то, что, как он видел, делали взрослые. Проституток в Пау Гранде не было. Ближайшим местом, где они обитали, являлся Петрополис, но у Гарринчи не было денег, он не знал дороги и был ещё слишком мал, чтобы ездить туда в одиночку. С ним мог бы поехать его друг Арлиндо, но и у того тоже было пусто в карманах его коротких штанов.

Будь у Гарринчи возможность, он приударил бы за киноактрисой мулаткой Марией Лопес или ещё за одной, с труднопроизносимым для него именем Морин О'Салливан, сыгравшей роль Джейн в фильме "Тарзан", но в его безнадежной

ситуации выходом могли быть только козы.

Деньги, по крайней мере, на небольшие случайные расходы, начали появляться у Гарринчи с конца 1947 года, когда он пришёл на фабрику. Согласно записи в картотеке компании "Америка Фабрил", он приступил к работе через один месяц и один день после достижения четырнадцатилетнего возраста: 19 ноября 1947 года. Его рабочее время по будням длилось с 7 часов до 16 часов 40 минут с часовым перерывом на обед, а по субботам - с 7 до 11 часов 40 минут. Итого: 48 часов в неделю с оплатой в размере 61 сентаво в час.

Отец убедил его вернуться к учёбе, и в течение нескольких месяцев 1948 года Гарринча посещал школу, только в вечернюю смену. Он снова ходил во второй класс, но уже к другой учительнице - доне Пергентине, которая оказалась ещё строже, чем дона Сантинья: Гарринча не то что провалил экзамены - он даже не пошёл их сдавать. С того времени он бросил учёбу навсегда, последовав примеру большинства рабочих фабрики, которые, несмотря на поблажки и заниженные требования, так и не смогли осилить даже первичный курс. Единственное, что Гарринча обрёл в школе, - это новые друзья.

На фабрике его направили в цех обработки хлопка. Дело это, надо сказать, довольно тонкое, сравнимое с очисткой кукурузной или рисовой муки, а условия работы на принадлежавших англичанам фабриках в течение большей части XX века не очень-то отличались от тех, что существовали ещё в начале эпохи индустриальной революции 1700-х годов. В хлопковом цеху трудились одни мальчишки, потому что только их можно было заставить работать в этом припадке ада.

Цех представлял собой подвал, в котором стояли очистители или так называемые джин-машины - станки, принимавшие хлопок и очищавшие его от семян и пуха. Неизвестно, что быстрее могло свести человека с ума, - оглушающий грохот, сорокаградусная жара или невообразимое количество выбрасываемых станками хлопковых отходов? Эти отходы, которые рабочие называли "вшами", нужно было подметать, а затем просеивать, чтобы потом использовать в производстве ватина. Гарринча числился подметальщиком.

Станки представляли собой опасность, и иногда происходили несчастные случаи, в результате которых люди лишались пальцев и даже рук. К счастью, Гарринчу всё это обошло стороной, хотя, по правде говоря, у него и возможностей-то получить травму почти не было, поскольку на рабочем месте большую часть времени он отсутствовал. Когда же он появлялся в подвале, его излюбленным местом были огромные ящики с хлопком, в которых он прятался, чтобы вздремнуть.

Поначалу даже думали, что он вообще не приходил на работу, в то время как он всего лишь спал в цеху. Его начальник не мог себе и представить, что возможно спать в таком месте, где нечем дышать и где всё грохочет и сотрясается. Поскольку никто на фабрике подолгу на одном и том же месте не работал, в

следующем году Гарринчу перевели в прядильный цех, где очищенный хлопок превращался в нить. По сравнению с грохотом очистителей в подвале, звук станков здесь казался пением флейты, но опять же труд Гарринчи был исключительно физическим: он работал грузчиком по перемещению оборудования.

А вскоре его уволили, посоветовав идти сажать картошку или заняться ещё чем-нибудь, кроме работы на промышленном предприятии. В самые первые недели на фабрике, когда достаточно было проявить хотя бы минимальное усердие, Гарринчу застали спящим в ящике с хлопком, а затем буквально на следующий день он опоздал на работу и ещё отсутствовал на рабочем месте без уважительной причины. Ни одно из этих нарушений само по себе грубым не являлось, но впоследствии поводом для безоговорочного увольнения послужила их совокупность. Да, некоторое время Гарринча отделялся лишь получением замечаний. Потом, поскольку он продолжал нарушать дисциплину, последовали отстранения его от работы, что, естественно, влекло за собой вычеты из зарплаты, но увольнение... Казалось бы, за что?

А вот, за что: начальник прядильного цеха сеньор Бобоко, известный ещё как Франкелино (а настоящее его имя было Франклин Леокорнил), по совместительству являлся президентом футбольного клуба "Пау Гранде", в юношеской команде которого в 1947 году Гарринча уже считался подающим надежды игроком, и откровенно прикрывал парня. Сеньор Бобоко был одним из лучших футболистов в посёлке, а в качестве болельщика часто ездил в Рио посмотреть на игру таких мастеров, как Зизиньо из "Фламенго", Элено из "Ботафого" и Адемира - тогда ещё из "Флуминенсе". Возглавляя цех, Бобоко сквозь пальцы смотрел на все проступки Гарринчи с тех пор, как тот начал играть в его команде.

Однако вышестоящее начальство самого сеньора Бобоко исполняло свои обязанности, и в 1948 году Гарринча был уволен - фабрика не могла держать сотрудника, подававшего другим дурной пример, а Гарринча считался кандидатом номер один на звание самого худшего работника за всю историю компании "Америка Фабрил". Амаро при этом чуть от стыда не умер. Прийдя в себя, он махнул рукой на дальнейшую судьбу сына, заставил его собрать вещи и указал на дверь.

Стоя посреди улицы на глазах у всех, выгнанный и с работы, и из родного дома, Гарринча оглядывался вокруг и не знал, куда идти. Его кругозор простирался не далее самого Пау Гранде и близлежащих окрестностей, но всё же годы жизни в полной свободе под открытым небом научили его обходиться без крыши над головой. У церковной беседки крыша была, но ветер с площади Монтезе с завыванием продувал открытое со всех сторон строение насквозь. За неимением лучшего, используя сумку в качестве подушки, Гарринча решил заночевать прямо там, в надежде что на следующий день отец пустит его обратно в дом. Однако

Амаро прогнал его при первой же и единственной попытке попросить прощения. Так Гарринча и ночевал в беседке в течение двух недель.

Голодать ему, правда, не пришлось. Каждый вечер к нему приходила девушка, с которой он познакомился ещё в школе и которой, впрочем, как и многим другим, он нравился. Звали её Наир. Она тайком приносила ему то сэндвич, то куриную ножку из того, что оставалось у неё после ужина, а на десерт - пастилу из гойабы. Она дожидалась, пока Гарринча поест, и, как только, насытившись, он начинал приставать к ней с поцелуями, бегом возвращалась домой. В течение дня Гарринча ни в чём себя не ограничивал. Он гулял, играл в футбол и обедал у кого-нибудь из друзей.

Через пятнадцать дней сеньор Бобоко убедил дирекцию принять Гарринчу обратно, поскольку, не являясь работником фабрики, он не мог играть за команду "Пау Гранде". Директора, такие же страстные болельщики, как и сеньор Бобоко, согласились, но выдвинули условие: Гарринча должен был вернуться в ненавистный всем хлопковый цех, больше не прогуливать работу и не опаздывать. Таким образом, "понижив" Гарринчу в должности, руководство остудило свой пыл, а команда "Пау Гранде" вновь заиграла в прежнем составе.

Амаро тоже остался доволен таким поворотом дела и пустил Гарринчу в дом. При этом он заметил, что если раньше сын был самым настоящим "паршивым чертёнком", то после случившегося начал как-то меняться, правда, с большим трудом. В конце концов, фабрика позволила сеньору Бобоко закрывать глаза на поведение Гарринчи, и уже в скором времени тот приходил на работу, только чтобы поспать в ящике с хлопком.

Новыми товарищами Гарринчи по цеху стали братья Пинсел и Свинг. Имя Пинсела было Жорже-Педро, а Свинга - Себастиан, но по именам их никто не знал. Может быть, именно Гарринча и дал им эти прозвища? Оба были чернокожими, жили в Раиз да Серра, по возрасту примерно ровесники Гарринчи, но по сравнению с ним, таким же рабочим, считались бедняками, поскольку у них не было богатого дяди. Во всём остальном между ними не существовало никакой разницы. Пинсел был более весёлым, Свинг - более угрюмым, а Гарринча являл собой нечто среднее между ними. Никто из них не любил ни учиться, ни работать, ни следовать какому-либо распорядку. Пинсел неплохо играл в футбол, Свинг - и по мячу не мог попасть, но, как выяснилось, все трое были непрочь выпить в хорошей компании.

Местом такого "открытия" стал бар Элиодоро Бенто, расположенный неподалёку от старого дома Гарринчи на улице Шикейро, которая теперь называется Крузейро. Элиодоро был самым известным поваром в Пау Гранде. Блюда для устраивавшихся в посёлке богатых свадебных торжеств готовились, в основном, именно в его печи. Сын Элиодоро Жорже Бенто, более известный как Доди, начал управлять баром несколько лет спустя. Вот там-то Гарринча, Пинсел

и Свинг и выпили совместно свои первые стаканы пива и пинги (разновидности смеси крепких спиртных напитков).

Впрочем, отдельно у каждого из них в прошлом уже были свои мелкие попойки. Во время застолий, которые устраивал дома Амаро, никто не мешал Гарринче и другим мальчикам пробовать алкоголь в своё удовольствие, не говоря уже о бесчисленных дозах кашимбо, потреблённых ими ещё через соску.

В обстановке деревенского быта никаких запретов детям выпивать и, тем более, курить не существовало. Считалось, что курить - это так же естественно, как и дышать. Курили не только мужчины - женщины тоже дымили сигаретами из соломы, а некоторые даже трубками, сидя на крыльце своих домов. Гарринча научился курить ещё до прихода на фабрику - даже раньше десяти лет - и, естественно, начал он с сигарет из соломы. Зарплата позволила ему покупать настоящие сигареты в магазине у Констансио, только не целыми пачками, а по одной-две.

Ребятам, не ходившим на обед домой, фабрика обеспечивала легкий завтрак. Состоял он из стакана молока и ломтика хлеба без масла. Мать Гарринчи каждый день дополнительно клала ему в сумку хлеб и бананы, но однажды делать это стало некому - в июне 1949 года в возрасте 48 лет Мария-Каролина умерла.

Случилось так, что через несколько дней после рождения самого младшего из сыновей - Жорже - Мария-Каролина нарушила предписанный ей врачом послеродовой режим и, будучи очень ослабленной, вскочила с кровати и выбежала во двор, чтобы загнать свиней в укрытие перед надвигавшейся грозой. Будь тогда возможность спросить местного врача Педро Сикейру, опасно ли это, он, несомненно, запретил бы и ещё сделал бы ей выговор за такую беспечность, но гроза началась внезапно, и свиньи ждать не могли. Поэтому винить во всём животных, наверное, несправедливо, тем более, что у Марии-Каролины в то время уже была инфекция, полученная ею во время родов. Физическое усилие вызвало у неё резкое повышение давления, и она потеряла сознание. Её отвезли в госпиталь округа Мажэ, где наличие у неё инфекции подтвердилось, но было уже слишком поздно. Несколько дней Мария-Каролина провела в агонии, и даже собственные заклинания и молитвы ей не помогли. Гарринче к тому времени не исполнилось ещё и шестнадцати лет.

Как и всякий ребёнок при потере матери, он испытал глубокое потрясение, однако для него это оказалось трагедией вдвойне, потому что мать была его единственной защитницей от суровых нападков отца. Горе его усилилось безмерно, когда менее чем через месяц, несмотря на траур в семье, вдовец Амаро привел в дом другую женщину.

Звали её Сесилией, и она не входила в число его старых или новых пассий - увы, он даже не был с ней знаком. Её привезли из Петрополиса по рекомендации одного из его друзей, после того как Амаро пожаловался, что ему не хватает женщины, чтобы согреть его в постели, и хозяйки в доме, чтобы присматривать за

младшими детьми. Новорождённого Жорже к тому времени отдали на воспитание другой супружеской паре. Дона Сесилия тоже была вдовой, имела детей и, войдя в новую семью, принялась исправно выполнять обязанности супруги и хозяйки дома.

Женщиной она была доброй, но слишком уж рьяно взялась за дело: начала устанавливать такую дисциплину и порядки, к каким никто из детей Амаро после стольких лет ласкового попустительства родной матери не привык. Меньше всего у доны Сесилии получалось находить общий язык с Гарринчей. Её настойчивые требования не играть с мячом в пижаме или хранить носки в надлежащем ящике, как-будто только она одна и знала, какой из ящичков надлежащий, начали действовать ему на нервы, и он ушёл из дома уже по собственной воле и навсегда. Поселился он у Розы, которая к тому времени уже вышла замуж и которую он продолжал звать Во (бабуля), хотя его сестре было всего 24 года.

Чувство сиротливого одиночества длилось у Гарринчи недолго. Сеньор Бобоко похлопотал, чтобы парня перевели в ткацкий цех, где работа была почище и полегче: передавать ткани на контроль. Там Гарринча стал гораздо лучше питаться. Цех состоял из одних только женщин. Их были десятки, всевозможных форм, размеров, возрастов и цветов кожи - многие из них происходили из семей иммигрантов. Все они обожали его и каждый день угощали тем, что приносили с собой из дома. Гарринче было почти семнадцать лет, он весь пылал страстью и, похоже, некоторые из его сотрудниц тоже, в том числе и Наир.

Выражение "гений интуиции" не считалось расхожей фразой в тех краях в 1940-е годы, однако именно так можно было охарактеризовать футбол, который демонстрировал юный Гарринча. И откуда только взялась у него такая манера ведения мяча, такой дриблинг и удар?! Никто ведь из его предков футбольным талантом не обладал: Амаро никогда не увлекался мячом, Манэ Кайейра - тоже. Единственным родственником Гарринчи близким к футболу был самый младший его дядя - Жоао, известный в Пау Гранде под прозвищем "Шина" и хваставшийся, что уезжает работать тренером в Андараи в одну малоизвестную команду, которой, кстати, к тому времени уже не существовало. Из братьев Гарринчи в футбол играл только самый старший, да и тот был вратарём. Это Жозе, которого все звали "Зе Балейя" ("Жозе-китовый ус" или "Жозе-решето"), что, конечно же, являлось несправедливостью по отношению к нему как к спортсмену. Ему даже не обязательно было становиться мастером спорта - весь мировой футбол должен благодарить его уже за то, что именно он научил Гарринчу различать, какая нога - правая, а какая - левая.

К двенадцати годам, в 1945 году, Гарринча уже гонял мяч по времени дольше, чем делал что-либо ещё. Он участвовал, как минимум, в двух или трёх играх в день. Местом, где он обычно играл, был пустырь на улице Шикейро на краю высокого берега реки, представлявший собой площадку размером 50 метров в длину и 30 метров в ширину, изрытую впадинами и покрытую кочками из

засохшей глины с редкими пучками травы. Вести мяч босяком и не спотыкаться о многочисленные кочки было подвигом, а уж обыгрывать соперника у самой кромки берега реки и при этом не давать мячу скатиться в воду было подвигом вдвойне. Гарринча с лёгкостью проделывал и то, и другое в первую очередь потому, что, споткнувшись много раз, он научился обводить и кочки, и соперника одновременно, и ещё потому, что терпеть не мог спускаться с обрыва и доставать скатившийся вниз мяч. Более-менее равной игрой считалось, когда Гарринча и ещё двое играли против семи или восьми человек.

В своей компании Гарринча был не единственным хорошим игроком, просто он оказался лучшим из всех, хотя и самым младшим по возрасту. В числе тех, с кем он гонял по пустырю мяч, были Дикиньо, Франса, Товар и Арлиндо, и однажды у его брата Балеи, наблюдавшего за этой стайкой талантливых мальчишек, возникла идея создать детскую команду и подготовить ребят так, чтобы со временем их приняли в команду юниоров спортклуба "Пау Гранде". Сформированная Балеией команда получила название "Футбольный клуб "Палмейрас" и претендовала на то, чтобы её воспринимали всерьёз: играли все в одинаковых футболках, купленных в рассрочку за 80 крузейро, тренировались по расписанию, а в 1945-1946 годах в основном составе у них играл Гарринча, правда, на месте левого полузащитника. В те годы бразильские команды номеров на футболках не использовали, иначе номер Гарринчи в команде Зе Балеи был бы 10.

Неизвестно, почему Гарринча избрал такую манеру игры, не требовавшую одинаково хорошего владения обеими ногами. Он не бил по мячу левой да и, вообще, не делал ею ничего. По словам его двоюродного брата Ренато Пейшото дос Сантоса, Гарринча понятия не имел, что значит левая нога. А впрочем, для чего ему нужно было это знать, если он прекрасно водил мяч и бил только правой? Балеия, конечно, научил Гарринчу отличать одну ногу от другой по названию, но, похоже, он научил его ещё чему-то очень ценному. И не только его, других ребят тоже, потому что в 1947 году почти весь их коллектив стал командой юниоров спортклуба "Пау Гранде", а с 1949-го - его основной командой.

Специалисты из других мест постоянно наблюдали за мальчишками из Пау Гранде. Поскольку фабричная команда не входила в Футбольную лигу округа Мажэ, клубы из разных городов считали себя вправе приезжать в посёлок и выбирать талантливых ребят, как выбирают апельсины на базаре. Одним из таких клубов был "Крузейро ду Сул" из Петрополиса, сразу выбравший для своей молодёжной команды Гарринчу, Дикиньо и Франсу. За этот клуб Гарринча и его друзья отыграли два года: 1949-й и 1950-й, приезжая в Петрополис только по воскресеньям ко времени начала матча и при этом не покидая свой родной "Пау Гранде". Один таксист по имени Кабиньо, фанат Гарринчи, взялся бесплатно возить их утром из Пау Гранде в Петрополис на игру за "Крузейро", а к вечеру обратно, чтобы они сыграли за "Пау Гранде".

Достигнув возраста призыва в армию, Гарринча прибыл в Петрополис для записи в Первый стрелковый батальон. Как только он в штанах до колен появился перед сержантом, стало ясно, что ему даже не нужно становиться в очередь на медосмотр - сержант нашёл, что призывник слишком слаб и хрупок для своего возраста, и предположил наличие у него "физических недостатков". Гарринча был комиссован и получил удостоверение резервиста третьей категории Первого военного округа за номером 230163. Это означало, что, если бы Бразилия вступила в какую-нибудь войну, его призвали бы в строй одним из последних.

Не имея возможности послужить Родине, Гарринча исправно служил футбольным клубам Петрополиса, которые даже начали за него бороться. Тем временем он уже перешёл на правый фланг, и в качестве правого полузащитника в 1951 году его забрал у "Крузейро ду Сул" другой клуб из Петрополиса, "Серрано". В более расторопном "Серрано" сделали то, о чём даже не подумали в "Крузейро": с Гарринчей заключили письменный контракт, зарегистрировали его в местной футбольной лиге и даже положили ему символическую зарплату в 30 крузейро за игру плюс обед. Эти деньги в 1951 году на "чёрном рынке" можно было обменять на один американский доллар.

До тех пор Гарринча никогда не думал о футболе с точки зрения денег да и, вообще, с какой-либо точки зрения. Он не любил беседовать о футболе, никогда не ездил в Рио смотреть матчи и не слушал радиорепортажи. Болел он за "Фламенго", но это оказалось случайностью, потому что, когда ему было шесть лет, в 1939 году, "Фламенго" выиграл чемпионат "Кариока", а в его составе в то время играли Домингос да Гиа, Леонидас и Зизиньо, о которых все беспрестанно говорили. В 1950 году на стадионе "Маракана" Бразилия проиграла финальный матч чемпионата мира Уругваю. Гарринча забыл о том, что репортаж можно было послушать по установленному на площади репродуктору, и ушёл на рыбалку, а когда вернулся, застал весь Пау Гранде плачущим навзрыд. Узнав в чём дело, он счёл это глупостью - футбол для него хорош был лишь тем, что в него можно играть.

Именно за это "Серрано" ему и платил. Когда родственники Гарринчи подсчитали, оказалось, что зарплата его была далеко не символической: за полтора часа, проведённых на поле, он зарабатывал в 25 раз больше, чем фабрика платила ему за час.

Это были деньги, но, похоже, особого значения для Гарринчи они не имели. Побыв три месяца "профессионалом", он устал мотаться каждое воскресенье в Петрополис, махнул рукой на подписанный им контракт и покинул "Серрано". Его клубом был "Пау Гранде", в котором он играл бесплатно.

За год до этого, в 1950-м, накануне его семнадцатилетия один из руководителей фабрики настоял на том, чтобы Гарринча поехал на просмотр в "Васко да Гама". Большие клубы специально выделяли время - один-два раза в неделю - на то,

чтобы посмотреть ребят, приехавших в поисках шанса попасть в их молодёжные команды. Иногда такие "спектакли" выглядели драматическими: почти все эти мальчишки происходили из бедных семей, и футбол служил для них единственной возможностью выбиться в люди. А иногда - комическими: какими бы крутыми парнями они ни были у себя дома, все как один становились кроткими и застенчивыми, стоя с зажатыми под мышкой бутсами на поле именитой команды.

Ответственным за отбор мог быть назначен бывший футболист, вышедший на пенсию, но ещё старавшийся приносить пользу своему клубу, или кто-нибудь из членов клуба с хорошей интуицией в выявлении наиболее способных и одарённых ребят. Мальчиков угощали бутербродами с варёной колбасой (а многие из них в этом нуждались, поскольку до начала просмотра подолгу ничего не ели), после чего ставили тренироваться друг с другом попарно.

Каждый из претендентов рассматривал эту тренировку как свой великий шанс, ведь едва заметный блеск в глазах тренера мог означать контракт, место в команде высшей лиги и в будущем - приглашение в сборную страны, что являлось пределом мечтаний любого футболиста в 1950-е годы. Однако мечты эти могли быть похоронены всего лишь парой слов.

На просмотры приходили толпы парней. Один за одним по приглашению они выходили на поле и, едва коснувшись мяча, сменялись другими ещё до того, как слышали обрушивавшую все их надежды фразу:

"Эй, больше не надо сюда приходить! Слышишь?"

После таких слов, юношу охватывала мысль о самоубийстве, а на его место выходил следующий. Лишь один из ста получал приглашение прийти снова.

Гарринче подобной фразы услышать не довелось. Чемпион лиги "Кариока" 1945-го, 1947-го, 1949-го годов и базовый клуб сборной Бразилии, "Васко да Гама" в 1950-м казался просто несокрушимым "бронепоездом". Несмотря на то что сборная, имея в основном составе шесть игроков "Васко" и тренера Флавио Косту, несколькими месяцами ранее уступила мировой кубок Уругваю, проигрыш не уменьшил престижа клуба, снова в том же году ставшего чемпионом лиги "Кариока". Каждый бразильский мальчишка, умевший обращаться с мячом, мечтал играть в команде Адемира, Эли, Данило, Жорже, Ипужукана, Барбозы и Аугусто. В то утро, когда Гарринча приехал на стадион "Сан Жануарио", казалось, что все эти мечтатели собрались там.

В "Васко" отбором занимался бывший игрок клуба аргентинец по происхождению Воланте. Увидев в толпе ребят Гарринчу, стоящего у кромки поля разутым, в одних носках, он спросил, почему тот не в бутсах. Гарринча еле слышно ответил, что оставил их дома, - не смог он сказать Воланте прямо, что ему было стыдно появляться в клубе "Васко" в старых рваных бутсах, которыми он пользовался в Пау Гранде и Петрополисе. Он думал, что на "Сан Жануарио" ему могли бы их одолжить. Воланте тотчас указал ему на выход: "Без бутс тренироваться нельзя!"

Позже Гарринча рассказывал, что Воланте ещё посмотрел на его кривые ноги и назвал уродом. Однако никто, кроме Гарринчи, этого не слышал, а все, кто знал Воланте, уверяли, что тот не был способен на такую грубость.

Спустя несколько месяцев по настоянию Манэ Кайейры Гарринча попробовал себя в "Сан Кристоване". Это была единственная малобюджетная команда, которой однажды удалось выиграть чемпионат "Кариока". Случилось это ещё в 1926 году, но болельщики, которых она приобрела благодаря своему титулу, оставались ей верны. К их числу относился и Манэ Кайейра. На этот раз Гарринча поехал не один: вместе с ним отправились Дикиньо и Арлиндо, и у каждого с собой были бутсы, пусть и рваные, но аккуратно завёрнутые в упаковочную бумагу. Они сели на поезд в Раиз да Серра и вышли в Рио неподалеку от тренировочной площадки на улице Фигейра де Мело. Прибыли они минут за десять до окончания просмотра и даже не успели увидеть, какого цвета там был мяч: их выпроводили ни с чем и не предложили никаких бутербродов.

Манэ Кайейра не сдавался. В том же 1951 году он велел Гарринче ехать в клуб "Флуминенсе" и найти там его знакомого - Градима, тренера молодёжной команды. Градим был чем-то обязан Манэ Кайейре, поэтому всегда готов был ему услужить. Гарринча позвал с собой Дикиньо и Арлиндо, но Дикиньо ехать отказался, и они с Арлиндо отправились вдвоём, предварительно начистив бутсы до блеска, ведь ехали они не куда-нибудь, а в "Флуминенсе". Подойдя к одному из великолепных строений, расположенных в районе Ларанжейрас, в Рио, Гарринча сумел разыскать Градима и представился ему племянником Манэ Кайейры. Имя это, наверное, не сразу откликнулось в памяти у тренера, потому что по прошествии нескольких часов Гарринча и Арлиндо всё ещё стояли в ожидании, облокотившись на ограду и глядя на других ребят, входивших и выходивших через ворота.

Было уже полседьмого вечера, и в Рио начало темнеть. Гарринча заволновался, что они могут опоздать на последний поезд до Раиз да Серра, и позвал Арлиндо ехать домой. Градим всё же вспомнил Манэ Кайейру и предложил им приехать как-нибудь в другой раз - кто знает, может, что-то и получится. Гарринча ответил: "Да, сеньор", но приезжать снова у него не было ни малейшего желания.

Каждая попытка пройти отбор в какую-нибудь из команд Рио стоила ему одного рабочего дня на фабрике, трёх часов езды туда и обратно на поезде и длительных блужданий по сложной системе улиц города - он каждый раз там терялся. А самым неприятным было чувство унижения, которое он испытывал, сидя в свои восемнадцать лет на заборе в окружении групп подростков, возрастом гораздо младше него, и ожидая какого-то счастливого случая, всё не торопившегося наступать.

У Арлиндо по прозвищу "Фумаса", что означает "сердитый", была не нога, а просто "пушка". Он обладал ударом такой силы, что мог заставить заговорить

даже немного. Как-то раз, на игру в Пау Гранде приехала команда, вратарь у которой был немой. Во время исполнения у его ворот одного из угловых ударов он, пытаясь забрать мяч, не смог его удержать, и подоспевший первым Арлиндо с близкого расстояния сильнейшим ударом "припечатал" мяч ему к груди. Почти вобрав в себя этот мяч, вратарь от полученного потрясения издал голосом нечто похожее на "Ххуумммфф!". Его изумлённые товарищи подбежали к нему и начали радостно обнимать, но не за то, что он спас ворота, а за то, что впервые подал голос.

И всё-же, по мнению Карлоса Дуарте Пинто, тренера "Пау Гранде", лучшим в команде был не Арлиндо и даже не Гарринча, а игрок по прозвищу Ву.

Из-за Ву, игравшего на месте правого полузащитника, Дуарте Пинто перевёл Гарринчу на острие атаки. На это у него имелись свои причины: он считал, что Ву на данной позиции лучше, чем Гарринча; скажем так, Ву, на его взгляд, был более интеллектуальным игроком. На самом же деле, лучше он был или нет, навсегда останется тайной, потому что знатоки футбола никогда не видели, как играл Ву.

Так с Гарринчей на правом краю атаки, "пушкой" Арлиндо и "интеллектом" Ву "Пау Гранде" в течение 1951 и 1952 годов оставался непобедимым, играя против лучших любительских клубов региона. Впрочем, и остальные игроки команды тоже представляли собой серьёзную силу: Кабукейро, Жоао Берруга и Ноно; Жорже, Зе Пирес и Силвио; Гарринча, Ву, Дикиньо, Арлиндо "Фумаса" и Элио.

Если многие из тех футболистов так и не стали звёздами именитых клубов и модных журналов, то часть вины за это лежит на "Пау Гранде", который не соглашался огораживать забором своё поле, чтобы на нём можно было проводить официальные матчи. Потому и соперниками его были такие клубы, как "Андориньяс", "Рестаурадорес", "Примейро де Майо", "Мануфатура" и различные любительские команды банкиров и коммерсантов Рио де Жанейро. Весть о непобедимости "Пау Гранде" разлетелась по всей долине Байшада Флуминенсе со скоростью барабанной дроби, и некоторые команды приезжали сразиться с ним, предварительно усилившись игроками из других клубов, таких как, например, "Бонсусэссо" или "Мадурейра". Однако это оказывалось бесполезно, и все уезжали побеждёнными. Кое-кто из проигравших винил в своей неудаче даже фейжоаду (национальное блюдо из чёрной фасоли, риса и свинины), приправленную пивом "Брама", которой "Пау Гранде" перед игрой угощал своих соперников.

Так и шли неделя за неделей в маленьком провинциальном городке. Каждое воскресенье вечером на стадионе Гарринча на правом краю атаки получал мяч и, не давая пасов и не глядя по сторонам, катил его, обводя всех, кто оказывался на пути. Двух или трёх оппонентов он вынуждал упасть на газон, ещё одного движением корпуса оттеснял за пределы поля, в одиночку проникал в штрафную площадь соперника и внезапно вырастал перед вратарём. Оставалось лишь обвести его и забежать с мячом в ворота, что Гарринча, к неопишуемой радости

болельщиков, с успехом и проделывал.

Глава 3.
"КУРУПИРА" В ГОРОДЕ
1952 - 1953 гг.

Наир была обыкновенной темнокожей девочкой, доброй и простодушной, не красавицей, но и не дурнушкой, среднего роста, в меру худенькой, одетой скромно, с большими яркими бантами на тапочках без задников. Как и Гарринча, к учёбе Наир относилась с явным безразличием. В третьем классе начального курса она бросила школу, с трудом научившись писать лишь своё имя: Наир Маркес. Однако по недоразумению, подписываться она вынуждена была как Ноир. Так получилось, что нотариус из Раиз да Серра - тот самый сеньор Корнелио - в 1936 году при регистрации рождения по ошибке написал её имя через букву "о". Впоследствии многие звали её Ноир согласно записи в реестре.

Родилась Наир в семье сеньора Алешандре и доны Жералдины Маркес, симпатичной и уважаемой в Пау Гранде супружеской пары. Отец семейства, кстати, работал охранником на фабрике, как и Амаро, но в противоположность последнему, его поведение нареканий со стороны окружающих никогда не вызывало. Сеньор Алешандре не пьянствовал и не увивался за чужими жёнами. А ещё он не пел пошлых куплетов и не резал коз. Когда он делал выговор влюблённым парочкам за непристойное поведение в кино или на газоне позади клуба, его воспринимали всерьёз и побаивались.

Как и все дети в Пау Гранде, по достижении четырнадцатилетнего возраста в 1950 году Наир поступила работать на фабрику. Начала она с ткацкого цеха, а потом перешла в цех упаковки, где занималась передачей рулонов тканей для укладки их в ящики. Ей не хотелось даже смотреть ни на кого, кроме Гарринчи, однако сама она была лишь одной из многих девушек, находившихся у него на примете.

Обстановка на фабрике порождала атмосферу повсеместного и непрерывного флирта. Поскольку правилами предприятия любовные взаимоотношения в рабочее время были строжайше запрещены, охрана регулярно обходила помещения, разгоняла небольшие группы, прерывала задушевные беседы и направляла всех по рабочим местам - станки должны были крутиться безостановочно, чтобы вся производственная система не вышла из строя. Конечно, молодому человеку не запрещалось подходить к девушке и наоборот, но только если эти контакты носили кратковременный и исключительно рабочий характер. Поэтому каждый взгляд, даже мимолётный, использовался для того, чтобы подать тайный немой намёк или подмигнуть в ответ. Гарринча часто

продельвал такое по отношению к своим сотрудницам, хотя это было свойственно не ему одному. Многие парни вели себя подобным образом, но Гарринча был "подобнее" всех.

Руководство фабрики не запрещало влюблённым парам приходить на работу и уходить с работы вместе, образовывать небольшие группы во время обеденного перерыва и встречаться за территорией - главное, чтобы от этого не страдало производство. Более того, налаживание взаимоотношений между работниками даже стимулировалось, для чего в спортивном клубе "Пау Гранде" и в помещении Ассоциации работников компании "Америка Фабрил" устраивались воскресные увеселительные мероприятия. Такие танцевальные вечера в народе почему-то назывались "свиным рылом". Сопровождались они живой музыкой маленьких оркестров, исполнявших фокстрот, болеро и самбу. Чтобы ходить туда и появляться перед Гарринчей разодетой как можно красивее, Наир одалживала то юбку, то платье у своей подруги Глориньи, мать которой работала портнихой.

Вечера танцев в Пау Гранде были до душенья семейными. Из питья на них потреблялись лишь прохладительные напитки из кокосов или смородины, готовившиеся жёнами участников, - никакой "Кока-Колы", "Грапете" или "Гуараны". Не было даже минеральной воды, а уж об алкоголе люди и не помышляли. Вероятно, поэтому в стороне от танцплощадки на траве лужайки позади клуба в зоне, которую охранник, отвлечённый происходящим внутри помещения, не всегда контролировал должным образом, постоянно шла какая-то тихая суета. Пока оркестр исполнял известные танцевальные хиты, такие как "Коварство" или "Сибонэй", некоторые парочки исчезали, а через полчаса появлялись, и никто их отсутствия не замечал. Одним из наиболее частых посетителей той лужайки был Гарринча.

Наверное, этого могло и не случиться, по крайней мере, таким образом, но избежать проблемы всё же не удалось. Во время одного из танцевальных вечеров Гарринча и Наир убежали в глубь территории клуба и совершили то, чего он так добивался ещё со времени своих ночёвок в церковной беседке. До тех пор роман их был платоническим, но Наир исполнилось уже 16 лет, и пламя страсти охватывало её всё сильнее. Неизвестно, сколько раз и в какие из вечеров, во время танцев или во время случайных встреч по будням, уединялись они на лужайке, но происходило это неоднократно. И вот, в результате одной из таких встреч, что вполне предсказуемо, Наир забеременела.

Через несколько недель она рассказала Гарринче о том, что у неё начались приступы тошноты и появились странные ощущения во время интимной близости. Гарринча испугался - ему было уже достаточно лет, чтобы понимать, что всё это значило, только вот стать отцом зрелости ему ещё не хватало. В Петрополисе жил его брат Зе Балея, и Гарринча отправился к нему, чтобы обо всём рассказать и попросить совета. Балея счёл наиболее разумным вернуться в Пау Гранде и повиниться перед отцом. Тот, наверняка, рассердится, ударит

кулаком по столу и заставит жениться, но другого выхода действительно не существовало. О том, что Амарио сам наплодил детей по всей округе, не могло быть и речи, а уж об аборте не следовало даже думать. К тому же, сеньор Алешандре - отец Наир - ничем не заслужил такого огорчения. С тем они вернулись в Пау Гранде и рассказали обо всём отцу. Как и следовало ожидать, Амарио в возмущении грохнул по столу кулаком и заявил:

"За свои поступки надо отвечать! Натворил дел - теперь расплачивайся!"

Свадьба состоялась 20 октября 1952 года за восемь дней до того, как Гарринче исполнилось девятнадцать лет. Жених был одет в коричневый костюм, спешно заказанный у портного из соседнего посёлка Пиабета и оплаченный вскладчину игроками и руководством клуба "Пау Гранде". В последний момент выяснилось, что денег на костюм не хватает, и новый президент клуба Роберто Лейте Родригес добавил недостающую сумму из собственного кармана. Невеста надела обычное повседневное платье, сшитое матерью её подруги Глориньи. Регистрация брака прошла в отделении префектуры Раиз да Серра. Молодожёны обошлись без свадебного путешествия и "медового месяца" - жених лишь собрал свои вещи и согласно обычаю переселился в дом тестя на улице Сентенарио. А через семь месяцев и две недели на свет появилась Терезинья.

Наир - не единственная девушка, которую Гарринча водил в отдалённые уголки территории спортклуба. Была ещё Ираси, яркая красивая мулатка. Как и Наир, она познакомилась с ним ещё в школе, а потом вновь встретила на фабрике. Ираси и Наир - ровесницы, обе испытывали чувства к Гарринче и готовы были отдать ему всё: от принесённого с собой на работу обеда до своей невинности. Только вот, в отличие от Наир, Ираси оказалась более предусмотрительной и нежелательной беременности избежала. Когда Гарринча сообщил ей о том, что вынужден жениться на другой, она заплакала.

Он пытался её утешить, говоря, что любит её, что она ещё очень молода и, когда подрастёт, снова будет чувствовать себя так же как и прежде до их знакомства. Ираси отказывалась в это верить, но понимала, что выбора у неё нет. В сравнении с Наир она относилась к категории бедняков - её отец не работал охранником на фабрике и не имел такого положения, как сеньор Алешандре. В общем, Гарринча так или иначе женился бы на Наир, тем более, что она заговорила с ним об этом первой. Наир любила Гарринчу, и их брак не мешал им встречаться вне дома и заниматься любовью, как во времена, когда им ещё приходилось прятаться. И это продолжалось почти все годы, пока они с Гарринчей были женаты.

В таком маленьком населённом пункте, как Пау Гранде, скрыть что-либо от чужих глаз было очень трудно, тем более для Гарринчи - главной звезды фабричной команды. Можно даже предположить, что он находился под гораздо более пристальным вниманием директоров, чем другие и, чуть что не так, сразу же вызывался в кабинет для получения взбучки. После Второй мировой войны

"Америка Фабрил" стала уже не настолько "английской" как раньше - некоторые представители дирекции были американцами. В состав руководства входили даже бразильцы: бывшие мастера из цехов. В 1950-х годах американцы с фабрики тоже ушли, и остались одни бразильцы, что неизбежно привело к ослаблению контроля над дисциплиной.

Образ жизни и привычки Гарринчи не изменились, несмотря на его семейное положение и на то, что Наир ждала уже второго ребёнка. Всё так же ходил он на фабрику, когда ему вздумается, завораживал публику своей игрой за команду "Пау Гранде", в свободное, и не очень, время гонял мяч, уходил в леса на охоту и рыбалку или просиживал в баре у Доди вместе с Пинселом, Свингом и новым другом, Малвино, опрокидывая одну кружку пива за другой. А кроме этого, тайком он "опрокидывал" ещё и нескольких офицерских жён из небольшой войсковой части, располагавшейся в окрестностях Пау Гранде.

Войсковая часть охраняла фабрику по производству пороха и состояла из лейтенантов, капитанов и майоров, проживавших поблизости вместе с семьями. Похоже, некоторые из офицеров своим мундирам уделяли гораздо больше внимания, чем жёнам. Вот с одной из таких Гарринча как-то раз и сошёлся, а дальше слава о нём как о страстном любовнике распространилась со скоростью горения бикфордова шнура. Чтобы навещать своих возлюбленных, он одалживал у одного из братьев Наир велосипед - "покататься" - и во время обеда, а иногда в конце дня, мчался в сторону военного городка.

Разоблачение могло быть подобно взрыву бомбы. Если бы эти мужья в погонах и лампасах заподозрили, что у них под фуражками растут "рога", Гарринчу точно сначала расстреляли бы, а уж потом только взяли бы под стражу. Просто удивительно, как это всё не раскрылось, ведь, несмотря на то, что свои любовные похождения Гарринча держал в тайне, многие в посёлке догадывались о его интимной связи с "вооружёнными силами". К тому же, на рыбалке он начал использовать динамит, местом происхождения которого могли быть только армейские склады. Наир, не имевшая недостатка в "доброжелателях", докладывавших ей обо всех грехах её мужа, тем не менее, отказывалась верить во всё, что слышала.

Любопытно, а могла ли жизнь у Гарринчи быть лучше той, что вёл он в Пау Гранде? Дорогих вещей они с Наир не имели, да и денег у них было не много, хотя, им хватало - и он, и она регулярно получали зарплату на фабрике. Кроме того, они жили у её отца, несшего все расходы по содержанию дома. Гарринча пользовался бытовым комфортом, у него были женщины и кредит в пивной - практически, всё, что ему нужно. Да, при той возможности бездельничать, получать удовольствия и наслаждаться свободой Пау Гранде был для него настоящим раем. Именно поэтому, когда ещё до своей женитьбы он получил от одного человека по имени Арати приглашение на просмотр в "Ботафого", оно так мало для него значило, что прошёл ещё целый год, прежде чем он решил его

принять.

В один из воскресных дней марта 1952 года правый защитник команды "Ботафого" Арати был приглашён своим кумом Пауло Олегарио вместе посетить Пау Гранде. Олегарио занимал пост директора банка "Боависта" в городке Бонсусэссо. Они доехали на поезде до Раиз да Серра и пересели в автобус компании "Америка Фабрил", прибывавший на станцию и забиравший пассажиров, направлявшихся в Пау Гранде. Главными мероприятиями воскресной программы в посёлке были угощение фейжоадой и футбольный матч между командой местной фабрики и клубом с длинным названием "Объединение банковских служащих Кавалканте", считавшимся довольно крепким коллективом в любительском футболе северной части штата Рио де Жанейро. Впрочем, Арати сначала ехать не хотел - в разное время его приглашали и на куда более увлекательные мероприятия, но у "Ботафого", в котором он являлся игроком основного состава, как раз в те выходные игры в календаре отсутствовали, и делать всё равно было нечего. Поэтому он всё же поехал в Пау Гранде, наелся там фейжоады и, видимо, для лучшего усвоения пищи согласился выступить в роли арбитра матча.

Под номером 7 у команды хозяев на поле вышел игрок, вид которого не вызывал ничего, кроме жалости и сочувствия: невысокий, худощавый и с искривлёнными странным образом ногами. Однако, уже в первые полчаса игры своим невероятным дриблингом он заставил почувствовать себя униженными всех банковских служащих района Кавалканте, а кроме того, успел забить три гола и чуть было не забил четвёртый и пятый.

Арати уже сам не понимал, что делает: он то пытался судить матч, то просто бегал за Гарринчей вдоль правой кромки поля, вопя во весь голос всем, кто находился поблизости:

"Да этот парень в сто раз лучше, чем все нападающие "Ботафого"!"

В конце игры Арати остановил его у углового флажка и сказал:

"Слушай, твоё место в Рио - в "Ботафого". Там сейчас нет никого, лучше тебя".

Он дал Гарринче свою визитную карточку, в которой было написано: "АРАТИ ВИАНА - "БОТАФОГО" - ФУТБОЛ И РЕГАТЫ", и заверил, что тот всегда сможет найти его на стадионе "Ботафого" на улице Женерал Севериано. Гарринча поблагодарил его, пообещал, что приедет, спрятал карточку и... никуда не поехал. Не поехал он ни через несколько недель, ни через несколько месяцев, а появился в "Ботафого" лишь спустя год с небольшим.

Тридцатилетний Арати игроком был жёстким. Его "послужной список" включает в себя сметающие всё на пути столкновения даже со знаменитым Жаиром Пинтой, когда ещё в 1940-х годах оба играли в "Мадуреире". Говорят, что однажды во время тренировочной игры Арати, вышедший со скамьи запасных на

замену, с такой силой схлестнулся ногами с Жаиром, что тот, испугавшись за свои голени, схватил мяч в руки и протянул его Арати со словами: "На, возьми! Он твой! Можешь домой его забрать!" А спустя годы, играя уже за "Ботафого", Арати заработал репутацию такого "тарана", что, когда кого-нибудь из игроков уносили с поля на носилках после того, как тот отваживался скрестить свою голень с голенью Арати, что называется, кость в кость, комментатор Станислав Понте Прета (Сержио Порто) шутил, говоря, что несчастный стал жертвой "аратицида".

И всё же, футбол остаётся перед Арати в долгу за открытие миру Гарринчи, хотя он был не единственным, чьими стараниями Гарринча оказался в "Ботафого". Матч, в котором Арати увидел его игру, состоялся, примерно, в середине марта 1952 года, а через неделю сам Арати был приглашён тренером Зеzez Морейрой в сборную Бразилии, которая отправилась в Чили и выиграла проводившийся там панамериканский чемпионат. Чемпионат начался в апреле, поэтому, если бы Гарринча и попытался разыскать Арати на стадионе на улице Женеерал Севериано в течение ближайших после их встречи недель, того всё равно в Рио не было.

Тем не менее, и до, и после чемпионата Арати многим, особенно в "Ботафого", рассказывал о чудесах, творимых на поле Гарринчей, и некоторые оказались заинтригованы. Только вот, проблема заключалась в том, что воздаваемые им Гарринче хвалы очень напоминали галлюциногенный бред. Выходило так, что где-то в глубинке штата Рио де Жанейро существует какой-то фланговый суперфорвард с полностью искривлёнными ногами и буквально демоническим дриблингом, но при этом ещё не примеченный никем из специалистов. Кто мог в такое поверить? Это как если бы клубу "Ботафого" рекомендовали курупиру (бразильское подобие лешего в облике индейца с вывернутыми назад коленями) или саси-перере (сказочное существо в образе одноногого негритёнка). Если парень действительно так хорош, то почему никто и ничего не слышал о нём раньше? И что это ещё за история с искривлёнными ногами? Тренеры и руководители клуба подобным рассказам не верили. Появлялись, конечно, время от времени трюкачи, место которым было скорее в цирке, чем на футбольном поле, но таких никто всерьёз не воспринимал.

И всё же, один человек рассказам Арати поверил и решил во всём убедиться сам. Это был член сообщества яхтсменов "Ботафого" завсегдатай клуба Эурико Салгадо, высокопоставленный служащий компании "Ллойд Бразилейро" и гораздо больший поклонник футбола, нежели парусных регат. Как только смог (а случилось это лишь через несколько месяцев), Салгадо негласно отправился в Пау Гранде посмотреть на Гарринчу.

В конце 1952 года "Пау Гранде" проводил на своём поле два товарищеских матча против команды "Ана Нери", трёхкратного чемпиона "Автономного департамента", одной из любительских футбольных лиг штата Рио де Жанейро. Оба матча со счётом 5 : 0 выиграл "Пау Гранде", и всё это время ничего не подозревавший Гарринча находился под пристальным наблюдением Эурико

Салгадо. Раздосадованный двумя поражениями подряд, "Ана Нери" потребовал матча-реванша, только теперь уже в Рио. Третья игра состоялась 7 июня 1953 года на стадионе "Сампайо", и, как и в прошлый раз, Эурико Салгадо присутствовал на трибуне. К концу первого тайма благодаря великолепной игре Гарринчи счёт был 0 : 3 в пользу гостей. Во втором тайме в результате упорной борьбы команде "Ана Нери" удалось лишь сократить счёт до 3 : 5.

По окончании игры Салгадо подошёл к кромке поля поговорить с Гарринчей.

"Тебе обязательно нужно поехать со мной в "Ботафого", - сказал он.

Гарринча, никогда раньше не видевший этого сеньора, вежливо выслушал его, но говорить на данную тему не пожелал, пояснив, что уже побывал на просмотрах в нескольких клубах Рио и что с него достаточно, потому что наряду с напрасной потерей рабочих дней на фабрике его не оставили тренироваться и ещё обозвали калеккой.

"На этот раз всё будет иначе, - пообещал Салгадо, - тех, кого привожу я, берут в команду".

При разговоре присутствовали Франклин Леокорнил (сеньор Бобоко), ставший президентом клуба "Пау Гранде", и Карлос Дуарте Пинто, тренер команды. Салгадо вручил Леокорнилу свою визитную карточку, а Гарринче сунул в руку банкноту в сто крузейро и сказал, что через два дня в полдень вторника будет ждать его в Рио на станции "Леополдина", чтобы отвезти в "Ботафого". Леокорнил заверил Гарринчу, что уладит вопрос его отсутствия на работе в означенный день, а Дуарте Пинто пообещал Салгадо проводить парня до посадки на поезд.

Во вторник Эурико Салгадо встретил Гарринчу на железнодорожной станции, они сели в такси и поехали в клуб. По прибытии Салгадо представил его тренеру молодёжной команды Неутону Кардозо, сыну наставника команды мастеров Жентила Кардозо. Отрекомендовав Гарринчу как "открытие Арати", он попросил Неутона посмотреть молодого человека в игре, на что тренер, предупреждённый об этом визите заранее, охотно согласился. Когда Гарринча спросил об Арати, ему сказали, что профессионалы провели тренировку утром и уже разошлись.

За молодёжную команду "Ботафого" в числе других играли полузащитник Роналд, свободный полузащитник Адербал и центральный защитник Эдсон - все в возрасте от 16 до 18 лет. Был ещё левый форвард Тиао, уже перешагнувший восемнадцатилетний рубеж и вышедший из юниорского возраста. Гарринчу поставили на правый фланг атаки, и до начала тренировки никто из футболистов внимания на него не обращал. Не вызвали ничего любопытства и его кривые ноги.

Нужно было только дождаться первого паса, и, когда мяч оказался у него, Гарринча произвёл самую настоящую сенсацию. Мяч пришёл к нему немного позади, почти в метре за спиной. На полном ходу одним касанием пятки он поддел его, перебросил через Тиао, пулей прорвался к линии ворот соперника и пробил в ближний угол рядом со штангой. Все остальные - двадцать один игрок и тренер -

установились на него, словно заворожённые, - такого они ещё не видели. А в последующие двадцать минут Гарринча создал ещё несколько голевых эпизодов, заставивших Неутона Кардозо на время лишиться дара речи.

По истечении тридцати минут игры тренер свистком объявил окончание первого тайма и спросил у Гарринчи его настоящее имя и возраст. Гарринча ответил, что зовут его Мануэлом и ему девятнадцать лет. Неутон Кардозо расстроился - в этом возрасте футболист уже не мог выступать за молодёжную команду, да и с такой игрой поистине его место было среди мастеров. Поэтому тренер не стал выводить Гарринчу на второй тайм, сказал, что поговорит с Жентилом Кардозо, и спросил, сможет ли он приехать на следующий день, чтобы потренироваться вместе с профессионалами. Эурико Салгадо ответил за Гарринчу: "Да". Затем он отвёз его на станцию и посадил на поезд, следовавший в сторону Пау Гранде.

После того как Гарринча покинул стадион, Неутон Кардозо подошёл к группе игроков дубля, оставшихся позаниматься физическими упражнениями, и сказал: "Завтра, ребята, к вам на тренировку придёт парень, которого нашёл Арати. Кто бы мог поверить, что на таких кривых ногах можно играть в футбол, но он просто красавец! В общем, зрелище будет потрясающее!"

На следующее утро к 9 часам Гарринча снова приехал на стадион "Ботафого". Чтобы успеть вовремя, ему пришлось выйти из дома в 6 часов. Прибыл он не один: его сопровождали сын тренера "Пау Гранде" Роберто Лейте Родригес и директор клуба Уилсон Дуарте Пинто.

Жентил Кардозо встретил Гарринчу, уже зная, кто это такой, - весь предыдущий вечер его сын Неутон только и рассказывал ему о правом нападающем, тренировавшемся с молодёжной командой. Вероятно, поэтому тренер не смог удержаться от навязчивого вопроса:

"Так это ты - "находка Арати"?"

Гарринча растерялся. Не дожидаясь ответа, Жентил перепоручил его своему помощнику Пауло Амаралу, тренеру по физической подготовке, со словами:

"Этого парнишку нашёл Арати. Поставь-ка его против Нилтона".

Истории про Гарринчу содержат упоминание о том, что якобы в тот самый момент Жентил Кардозо повернулся к кому-то и сквозь зубы проговорил:

"Сюда уже приходят играть даже калеки!"

Другие рассказывали, что на вопрос тренера: "Ты чем в футбол-то играешь, сынок?" Гарринча ответил: "Мячом". Версий произошедшего тогда за несколько минут до начала тренировки столько, сколько и людей, утверждавших потом, что были на поле "Ботафого" в тот день, 10 июня 1953 года. Если верить им, то добрая половина Рио присутствовала на вошедшей в историю первой тренировке Гарринчи. Любопытно, что большинство этих "очевидцев" даже сегодня понятия не имеют о том, что накануне Гарринча уже приезжал в "Ботафого", тренировался с молодёжной командой и поразил всех, кто там присутствовал.

Возможная грубость Жентила ("сюда уже приходят играть даже калеки"), наверное, была лишь способом охарактеризовать "Ботафого" как некое поле чудес, на которое устремились нуждавшиеся в поддержке и исцелении и где им вдруг явился ангел-спаситель. Если так, то вся эта история выглядит куда лучше. И всё же, "Ботафого" не был "полем чудес", Гарринча не нуждался в поддержке и даже более того - имел довольно влиятельных покровителей, а темнокожий Жентил не говорил ничего подобного.

У бывшего моряка Жентила характер был непростой. Кроме того, он страдал неврозом и таил непроходящую обиду на весь мир. Часто он жаловался, что ему никогда не стать тренером бразильской сборной, потому что он "темнокожий парень", как многие его называли, а в сборной хотели видеть "белого" тренера, такого, как Флавио Коста или возглавлявший в то время национальную команду Зеке Морейра. Жентил был расистом, только наоборот: каждый год 13 мая он собирал в раздевалке темнокожих игроков и произносил речи с выпадами против мира "белых". В "Ботафого" он одно время пытался учредить нечто вроде трибунала, формируемого самими игроками, чтобы судить своих же товарищей, которые за нарушения правил бывали удалены с поля. Однако, при всей сложности своего характера к Гарринче Жентил не проявил никакой неприязни. И даже наоборот.

Обычно тренеры вводили в игру новичков минут за десять до конца тренировки, когда у тех почти уже не оставалось времени как следует себя проявить, но Жентил Кардозо велел своему помощнику Пауло Амаралу выдать Гарринче футболку дублёра под номером 7, чтобы тот тренировался с самого начала. Что же это могло означать? Может быть, Жентил отнёсся к рекомендациям своего сына Неутона относительно Гарринчи более чем серьёзно? Или, являясь в прошлом моряком торгового флота, он был чем-то обязан сеньору Эурико Салгадо из судоходной компании "Ллойд Бразилейро"?

Пауло Амарал отвёл Гарринчу в раздевалку. Арати находился уже там. Увидев Гарринчу, он обнял его и, почувствовав его волнение, напутствовал:

"Играй в свою игру, парень. Здесь все равны".

Продолжая общаться с Арати, Гарринча снял свою дешёвого вида рубашку, а когда спустил с себя ещё более простецкие брюки, взгляды всех присутствовавших устремились на его ноги. Никто и представить себе не мог, что бывает такой тип кривизны: при ходьбе Гарринча прихрамывал, покачиваясь не в стороны, а вперёд. Исчезли последние сомнения: Арати и Неутон Кардозо, должно быть, пьяны, если считают, что этот несчастный может играть в футбол.

У "Ботафого" в 1953 году дела шли неважно. Последний чемпионский титул команды датировался 1948 годом, и в ней ещё оставалось несколько игроков с тех времён: центральный защитник Жерсон, опорный полузащитник Жувенал, правый полусредний Жениньо и левый нападающий Брагинья. Все они были высококлассными футболистами, но карьера их близилась к завершению. Ну и,

конечно же, Нилтон Сантос, который в свои 28 лет уже мог бы проводить конференции на футбольные темы хоть в ООН и который, несмотря на отсутствие в отношении его игры каких-либо нареканий, своего расцвета всё ещё не достиг. Остальные игроки - это вратарь Жилсон, защитники Боб, Арати и нападающие Зезиньо, Дино и Винисиус. В общем, хотя утёнку Доналду, талисману клуба, и не приходилось стыдиться за свою команду, она была ещё далека от того, чтобы стать основой для сборной страны. Гарринча надел дырявую униформу, предназначенную для дублёров, и присоединился к остальным - тем, многие из которых однажды станут игроками основной команды: это вратарь Амаури, защитники Флориано, Аролдо, Орландо Майа и нападающий Ариосто.

Пауло Амарал свистком просигналил начало тренировки, и спустя почти десять минут, наконец-то, получив первый пас, Гарринча оказался лицом к лицу с крепким рослым игроком, которого видел впервые.

Нилтона Сантоса тогда ещё не называли "Футбольной Энциклопедией" - это прозвище комментатор Валдир Амарал дал ему пятью годами позже, на чемпионате мира 1958 года, - но некоторые уже звали его "новым Да Гиа" - по воспоминаниям о Домингосе да Гиа, считавшемся самым совершенным игроком обороны за тысячелетие. Однако в то утро на стадионе Нилтон Сантос не чувствовал в себе никакого совершенства. Выражаясь образно, можно сказать, что свою голову он оставил дома в пакете со льдом.

Сантос готовился к назначенной на 1 июля свадьбе с сеньоритой Абигайл Батальей, что явилось целым событием в футбольных кругах Бразилии. В штаб-квартире "Ботафого" по этому поводу был организован банкет, а в качестве представителей жениха на нём присутствовали бывший президент клуба Карлито Роша и журналист Сандро Морейра. Нилтон Сантос резко выделялся среди своих коллег-футболистов: он был умён, педантичен, водил дружбу с певцами Лусио Алвесом и Элизете Кардозо, с которой у него когда-то был роман, посещал модные ночные клубы, такие как, например, "Вог" на проспекте Принсеза Изабел и "Ранчо Алваренга". Мало кто знал о том, что, несмотря на известность и славу, полученные им в "Ботафого" и в национальной сборной, он снова взялся за учёбу и поступил на вечерний факультет колледжа, чтобы завершить, по крайней мере, программу средней школы.

До свадьбы оставалось двадцать дней, и Нилтон старался как можно полнее прочувствовать каждую из уходивших секунд своей холостой жизни. Чемпионат "Кариока" ещё не начался, поэтому он почти не вылезал из увеселительных заведений Копакабаны. К алкоголю Нилтон пристрастия не питал - он был любителем женщин, но накануне той тренировки до рассвета засиделся в "Ранчо Алваренга" со спортивным журналистом из газеты "Диарио да Нойте" Армандо Ногейрой. Небольшая доза виски подействовала на него так, будто он выпил всё море вокруг своего родного острова Говернадор, - настолько тяжёлым было похмелье.

Извинением, разумеется, это служить не могло, и десяти минут, прошедших с момента свистка Пауло Амарала и до того, как мяч оказался у Гарринчи, Нилтону хватило, чтобы осознать, что он находится на тренировке на поле стадиона, а не дома, склонившись над унитазом. Когда этот новичок остановился перед ним в ожидании противоборства, Нилтон спокойно приблизился к нему, чтобы отобрать мяч. Однако спокойствие его оказалось чрезмерным, потому что через мгновение, опомнившись, он увидел, что уже обыгран с внешней стороны. Он бросился вслед за Гарринчей, но, как только с ним поравнялся, тот резко затормозил. И снова они стояли лицом к лицу. Нилтон сделал резкий выпад, чтобы напугать соперника, и тут же был обыгран ещё раз и тем же образом. В следующем эпизоде минуты спустя юный форвард совершил по отношению к заслуженному мастеру в высшей степени неделикатный поступок: прокинул мяч ему между ног. С тех пор проделывать с собой такое Нилтон Сантос не позволял больше никому.

Всё это, конечно, факты, но время несколько приукрасило произошедшее в тот день. Последовавшие в будущем пересказы тех событий создали иллюзию фантастического "танца" Гарринчи вокруг Нилтона Сантоса, однако всё было не совсем так. В некоторых эпизодах Сантос не менее красиво обыгрывал Гарринчу и оставлял его без мяча. В целом, борьба выглядела равной и проходила с переменным успехом, что подтвердили многие игроки, находившиеся тогда на поле. Поразительным было именно равенство этого противоборства: с одной стороны - Нилтон Сантос, опытный футболист, проведший 16 игр за сборную команду страны, а с другой - никому не известный паренёк с кривыми ногами, дома игравший в футбол боссяком и надевший бутсы лишь по требованию правил.

Жентилу Кардозо увиденного было достаточно. После первого тайма он посадил Гарринчу отдыхать и дожидаться конца тренировки.

По окончании игры репортёры засыпали тренера вопросами о новичке, а ветеран Жениньо - капитан команды - высказал своё мнение финансовому директору клуба Жулио де Азеведо:

"Будь я боссом, я бы не отпустил этого парня домой. "Ботафого" тут же подписал бы с ним контракт".

Жулио де Азеведо как раз и являлся одним из таких "боссов" (это звучное слово пресса с тех пор начала использовать, когда речь шла о футбольном начальстве), и подсказок Жениньо ему не требовалось. Он пошёл к телефону и принялся звонить Карлито Роше - нужно было как можно скорее дать Гарринче подписать кое-какие бумаги, прежде чем другие клубы узнают, что он пока ещё свободен. Карлито Роша в тот день на тренировке не присутствовал, но, если бы ему сказали, например, что какая-нибудь танцовщица самбы показала себя высококлассным центральным защитником, он убедил бы "Ботафого" заключить с ней контракт. Несмотря на то, что Карлито уже ушёл с поста президента клуба, он имел там большое влияние, и с его мнением всегда считались.

А тем временем вокруг Гарринчи начали собираться люди, готовые в случае чего не дать ему сбежать. Поделится своим впечатлением и Нилтон Сантос.

Измученный похмельем и тренировкой, он сказал Жентилу Кардозо:

"Этот парень - просто монстр! Хорошо бы взять его по контракту - пусть уж лучше он будет с нами, чем против нас".

Сандро Морейра, репортёр из "Диарио да Нойте", тоже побежал к телефону и позвонил Пауло Азередо, действующему президенту "Ботафого", но Азередо уже знал о Гарринче, так как начальник технического отдела Алешандре Мадурейра успел обо всём ему рассказать. Несмотря на то что перед заключением контракта с игроком следовало бы обсудить вопрос заработной платы, было решено дать Гарринче на подпись чистый лист бумаги, с тем чтобы потом руководство клуба могло спокойно составить документ с учётом всех бюрократических тонкостей. Когда Мадурейра закончил разговор по телефону, ему сообщили, что во время тренировки Гарринчи на трибуне стадиона присутствовал шпион.

Этим "шпионом" был Эдгар Фрейтас, коллега Мадурейры из технического отдела "Васко да Гама". Клубы часто шпионили один за другим и переманивали друг у друга игроков. Так двумя годами ранее новобранец-юниор "Ботафого" Жоэл отлично проявил себя как правый нападающий. "Фламенго" правдами и неправдами удалось его перехватить, и с тех пор он стал в команде одним из лучших бомбардиров. Алешандре Мадурейра побледнел: нельзя было допустить, чтобы подобное произошло и с Гарринчей.

Конечно, Мадурейра понимал, что Фрейтас не дойдёт до такой наглости, чтобы попытаться переманить Гарринчу прямо там на глазах у всей команды "бело-чёрных", однако тот легко мог узнать, что парень живёт в Пау Гранде, быстро отправиться туда, дожидаться его и уговорить уйти из "Ботафого". Единственным выходом было задержать Гарринчу в клубе и не дать ему уехать домой, пока он не подпишет соответствующую бумагу. Да даже просто хоть какую-нибудь бумагу. Мадурейра сказал ему, что вопрос о размере заработной платы можно будет обсудить только при участии Пауло Азередо, но, как назло, президент обещал появиться в клубе лишь к вечеру, поэтому не оставалось ничего, кроме как весь день провести в ожидании.

"Если я задержусь надолго, то опоздаю на поезд в Раиз да Серра", - заволновался Гарринча.

"Ничего страшного. Можно заночевать прямо здесь в клубе", - успокоили его.

"Ну, тогда ладно. Моя сеньора уже привыкла, что я иногда не ночую дома".

"Что за сеньора?" - поинтересовался Мадурейра.

"Наир. Я женат, и у нас скоро будет ребёнок".

Только теперь до Алешандре Мадурейры дошло: по мальчишеским манерам и голосу Гарринчи он думал, что тому ещё нет восемнадцати, и собирался подписывать с ним контракт как с юниором. Тогда Жентил Кардозо подтвердил, что Гарринче уже без малого двадцать лет и контракт с ним нужно заключать как с

профессионалом. А раз он женат, то под опекой родственников уже не находится - тем лучше, потому что не нужно ехать в Пау Гранде за подписью его отца.

Чтобы скоротать время, Мадурейра повёз Гарринчу в центр города сделать фотографии, без которых нельзя оформить контракт. Полдюжины снимков размером 3 X 4 сантиметра были заказаны в фотостудии на улице Сете де Сетембро. Пока производилась проявка и печать, Мадурейра повёл Гарринчу обедать в "Тимпанас", португальский ресторан на улице Сан Жозе. "Тимпанас" часто посещали популярные писатели, и его хозяин Лино Соарес де Алмейда хлопотал и суетился, как мог. С Алешандре Мадурейрой сеньор Лино был знаком, поэтому он поприветствовал их лично, усадил за стол и спросил, что они хотели бы заказать.

Гарринча просмотрел меню, делая вид, будто его читает, и ответил:

"Пожалуйста, рис, фасоль и макароны".

"Не желаете ли порцию жареной трески?" - переспросил Лино, но Гарринча остался непреклонен:

"Нет, сеньор, я люблю рис, фасоль и макароны".

Простодушие Гарринчи было одной из его черт, очаровавших весь персонал клуба. Многим нравилось, как он, ведя мяч, приговаривал: "О-па!" и "Вот так!" Между прочим, он даже не знал многих слов футбольного лексикона: говорил "пенати", вместо "пенальти", и "харф", вместо "хаф" в слове "хафбэк", обозначающем игрока средней линии. Когда кто-нибудь из раздражённых манерами Гарринчи высказывал в его адрес упрёки в невежестве, боссы тут же за него вступались: "Ну и что? В футболе полно игроков, которые разговаривают так же, но не показывают на поле и половины того, что делает он".

В то время как Гарринча в ожидании заказанных фотографий сидел в ресторане и ел фасоль с макаронами, читатели вечерних выпусков "Диарио да Нойте" и "Глобо" узнавали, что у "Ботафого" появился новый и весьма яркий форвард. Статьи в обеих газетах были насыщены тонами восхищения. Правда, в "Глобо" ошиблись с его возрастом, сообщив, что ему восемнадцать лет, но историю его появления в клубе описали точно: Арати увидел этого парня во время своего участия в качестве судьи в одном из матчей где-то в глубинке штата Рио де Жанейро и пригласил на просмотр в "Ботафого". Тот не приехал, а спустя почти год другой член клубного сообщества привёз его и передал на попечение Неутону Кардозо. О пресловутом "танце" с мячом вокруг Нилтона Сантоса не было ни слова. Впрочем, неупомянутым остался и Нилтон, но самое главное - это то, что "Глобо" правильно сообщила прозвище футболиста: Гарринча.

"Диарио да Нойте" опубликовала даже его фотографии, но вся история вышла упрощённой. Было сказано, что Арати привёз игрока из провинции, и того сразу же приняли в команду профессионалов. Газета назвала его настоящее имя - Мануэл дос Сантос - и сообщила, что "здесь в "Ботафого" он получил прозвище "Гуаличо".

По этому самому "здесь в "Ботафого" сразу угадывалось авторство Сандро Морейры. Репортёр забыл только пояснить, что в данном случае под "Ботафого" он имел в виду самого себя, активного болельщика и человека, приближённого к руководству клуба. Так же как и другие журналисты: Канор Симоес Коэльо, Жералдо Эскобар, Аугусто Мелло Пинто, Армандо Ногейра и Марио де Мораес, присутствовавшие на тренировке, Сандро отчётливо слышал, как Гарринча сказал, что его зовут Гарринчей, но это имя ему не понравилось - тем более, когда футболист пояснил, что гарринча - это маленькая птичка.

Сандро счёл имя неподходящим и слишком женственным. Вероятно, это потому, что в Рио уже был кое-кто с таким именем. Гарринчей звали одну даму из высшего общества: Гарринча Мело Франко Лобо. Настоящее её имя было Мария де Лурдес, и происходила она из семьи известных политиков. Разумеется, прозвищем "Гарринча" она пользовалась в определённых кругах. Сандро, возможно, не был знаком с ней лично, но считал, что такое имя не подходит молодому парню, скачущему по футбольному полю, словно конь, и обыгрывающему всех, кто пытается отобрать у него мяч.

Спешно вернувшись в редакцию, чтобы подготовить статью, Сандро рассказал о Гарринче заведующему отделом спорта Фернандо Брюсу. По действовавшим в газете правилам, Брюс обязан был выделить колонку, посвящённую футболу, хотя больше всего он любил скачки. А так как все любители конного спорта в то время являлись поклонниками Гуаличо - жеребца, выигравшего годом ранее бега "Гранде Премиио Бразил" и считавшегося фаворитом этого же турнира текущего года в забеге, назначенном на 4 августа, Сандро и Брюс договорились о том, что Гарринча должен зваться Гуаличо. Вот так газета "Диарио да Нойте" породила новое прозвище. Вроде бы, хорошо было и футболисту, которого сравнивали с непобедимым скакуном, и газете, удачно совместившей футбол и конный спорт в одной колонке.

К вечеру Алешандре Мадурейра с Гарринчей вернулись в клуб. Пауло Азередо прибыл в девять часов и при участии Мадурейры, Жулио де Азеведо и футбольного директора Эстанислау Памплони разъяснил Гарринче условия контракта, после чего, пожав друг другу руки и обнявшись, все вместе довольные и счастливые вышли из кабинета.

Гарринча подписал свой первый настоящий профессиональный контракт - первый из огромного их числа в будущем, согласившись на заработок лишь на триста крузейро больший, чем тот, что платили ему на фабрике. Теперь ему предстояло провести первую в его жизни ночь в этом "чудесном городе", как и по сей день в Бразилии часто называют Рио де Жанейро. Ночевать ему, правда, пришлось не в каком-нибудь из отелей района Синеландия и не в апартаментах у кого-то из боссов на проспекте Атлантика, а в примитивной спальне, которую "Ботафого" оборудовал под трибунами стадиона вдоль улицы Женерал Севериано прямо напротив госпиталя "Пинел", на кишевших клопами матрацах из конского

волоса.

В первый раз, когда Гарринча появился на страницах газет, все называли его Гарринчей, однако в последующие дни газета "Диарио да Нойте" упорно продолжала именовать его "Гуаличо", и это прозвище начало приживаться. Статьи, посвящённые конному спорту, изобиловали шутками в адрес знаменитого скакуна и были проиллюстрированы фотографиями Гарринчи.

Через несколько недель, к тому времени, когда Гарринча освоился в "Ботафого" и начал забивать голы, спортивные комментаторы радиостанции "Континентал" Одувалдо Коцци и Валдир Амарал называли его уже исключительно Гуаличо. В отличие от них, комментатор "Радио Глобо" Луиз Мендес предпочёл имя Гарринча. В результате, все, кто слушал репортажи матчей "Ботафого", переключаясь с одной радиостанции на другую, думали, что один и тот же гол забил два разных игрока. А в довершение всего, ведомый наездником Олаво Розой, Гуаличо - тот знаменитый скакун - с оглушительным успехом выиграл турнир "Гранде Премиио Бразил", опередив ближайшего конкурента на целых девять корпусов. Гарринча, казалось, был обречён на имя "Гуаличо".

Хотя от него это и не зависело, он всё же не желал иметь "лошадиное" прозвище, поэтому скромно и застенчиво объяснял репортёрам, что предпочитает зваться Гарринчей - так, как все называют его в Пау Гранде. И снова имя "Гарринча" эхом отозвалось в прессе, но всего лишь эхом. Журналисты начали путаться, и в результате, в течение первых четырёх-пяти месяцев его карьеры газеты как только его ни именовали: Гуаличо, Гаррибо, Гаррико, Карричо, Гарричо, Гаррича, Гарринья, Гарринчо и Гарринча. Журнал "Крузейро" рассказал о нём в рубрике "Боги бразильского футбола", но, сомневаясь в правильности написания его имени, готовившие статью журналисты назвали его так: Гарри(н)ча. Даже такое издание, как "Глобо", допускало различные варианты написания. В конце концов, один репортёр из того же "Глобо", Жералдо Рамуалдо да Силва, закрыл этот вопрос, опубликовав большую, в шесть колонок, статью с заголовком "МОЁ ИМЯ - МАНУЭЛ, А МОЁ ПРОЗВИЩЕ - ГАРРИНЧА".

Да и что, собственно, за проблема в том, чтобы зваться Гарринчей? Ведь были же, например, у "Флуминенсе" полузащитник по прозвищу "Танцующая нога" и нападающий, которого звали "109". А "малыш" Мадурейра, защитник? - настолько неказистый, что с полным правом носил прозвище "Медоньо" ("пугало").

"Игрок демонстрирует превосходные качества. Его единственный, но легко исправимый недостаток - это чрезмерное увлечение дриблингом".

Именно так Пауло Амарал отозвался о Гарринче на совещании руководства клуба по возвращении возглавленной им смешанной команды дублёров и основных игроков из поездки по штату Рио де Жанейро во второй половине июня. Это были первые две игры Гарринчи в составе "Ботафого", и обе носили статус товарищеских.

В первой, 21 июня, на стадионе "Мигел Перейра" со счётом 0 : 1 "Ботафого" одержал победу над "Авеларом" - гол забил Гарринча. Во второй, восемь дней спустя, в городе Кантагало одноимённая команда потерпела разгром со счётом 1 : 5. В той игре в одном из голевых эпизодов Гарринча обвёл всю защиту "Кантагало" вместе с их голкипером и, оставшись один перед пустыми воротами, отдал вдруг пас полузащитнику Ариосто, чтобы тот отправил мяч в сетку. Ариосто так и остался в недоумении, почему его партнёр не стал забивать гол сам.

Это лишь первый из тех вопросов, которыми начали задаваться в "Ботафого" относительно Гарринчи. Второй вопрос был: почему, обыграв защитника и уже пройдя его, Гарринча намеренно позволял ему себя догнать, а затем повторял свои финты? Откуда у него эта мания снова затевать обводку, когда вся защита соперника уже обыграна?

Никто тогда ещё не знал, что Гарринча был самым великим любителем из всех профессионалов, каких только мог дать миру футбол, и что для него удовольствие от игры состояло не в забитых голах и даже не в победе, за которую полагалась денежная премия. Голы, победы, деньги, слава - это атрибутика цивилизации, а цивилизация была не его стихией. Гарринча для футбола был дикарём, видевшим в нём лишь забаву. Вся прелесть борьбы для него заключалась в дриблинге и только в дриблинге. Именно так играли бы индейцы, если бы умели обращаться с мячом.

Глава 4.

ЖИЗНЕННАЯ ЭНЕРГИЯ

1953 г.

В марте 1950 года клуб "Бангу" купил у "Фламенго" игрока Зизиньо за 600 тысяч крузейро, что по тем временам было эквивалентно 33 тысячам долларов США. Сегодня такая сумма может показаться смехотворной, но тогда эта сделка стала самой крупной в истории бразильского футбола. И поверьте, деньги эти были немалыми. В Рио столько стоили апартаменты из четырёх комнат и двух залов с балконами, выходящими на Атлантический океан.

В июне 1953 года, чтобы заполучить Гарринчу, "Ботафого" заплатил клубу "Серрано" из Петрополиса - первому официальному владельцу прав на него - всего лишь 500 крузейро, что равнялось в то время 27 долларам. Да-да, ошибки здесь нет - именно двадцать семь! Это была самая мелкая в мировом футболе сделка за все времена в отношении игрока такого класса. Данная сумма смехотворной вовсе не кажется - она таковая и есть. Самое большее, что можно

было купить на эти деньги, - велосипед.

В 1953 году "Положению о профессиональном статусе спортсмена" исполнилось двадцать лет, но футболисты в какой-то мере ещё сохраняли в себе дух "любительства". Этот пережиток прошлого присутствовал у многих игроков, всё продолжавших выходить на поле в кепках или с сеточками на волосах даже в безветренную погоду. В том же "Ботафого" одно время был вратарь, который сам платил за возможность защищать цвета клуба. Это миллионер Эрмелиндо Матараццо, сын графа Матараццо и один из самых богатых наследников в Бразилии. Играл он в команде дублёров, но страстно мечтал о том дне, когда смог бы заменить Освалдо Бализу, голкипера основного состава.

С Бализой Эрмелиндо был откровенен:

"Моя мечта - занять твоё место".

На что Бализа отвечал с не меньшей откровенностью:

"А моя - занять место сына твоего отца".

Двадцать пятого июня Гарринча заключил профессиональный контракт, датированный задним числом: 15 июня. С превеликим трудом он вывел своё имя - Мануэл дос Сантос - на бумаге, гарантировавшей ему в течение года 1500 крузейро в месяц и ещё 500 крузейро премиальных. Контракт получил номер 1769 и от лица клуба был подписан Пауло Азередо. В документе также предусматривалось, что, если Гарринча пожелает переехать в Рио, клуб предоставит ему жильё и питание.

Иначе говоря, он мог пользоваться спальными комнатами под трибунами стадиона, где постоянно проживали тренер детской команды "Ненем" и ещё несколько человек, находившихся в Рио без своих семей. Гарринча поблагодарил, но отказался: у него родилась дочь Терезинья, и он нужен был дома, чтобы помогать стирать пелёнки и бегать за покупками.

Статус игрока "Ботафого" несколько не изменил его положения в Пау Гранде. Новый директор фабрики бразилец Алсидес де Моура Брага отметил в учётной карточке Гарринчи, что тому предоставлен годичный отпуск и что, если в течение этого срока карьера в "Ботафого" у него не сложится, за ним сохранялось место на фабрике. Люди в дирекции не то чтобы были суеверными или не желали парню успеха, они просто слишком хорошо его знали.

А в "Ботафого" с тем, чтобы "узнать" Гарринчу, запоздали почти клинически. Бразильский спортсмен образца 1953 года выглядел не лучше бразильского нищего. Игроки, особенно те, что приезжали в клубы из глубокой провинции, пребывали в удручающем состоянии. Внешне они могли казаться крепкими атлетами, однако почти все являлись настоящими рассадниками различного рода паразитов. Многие из них страдали от недоедания и малокровия. Туберкулёзные и сифилитики встречались гораздо реже, но и это не считалось неожиданностью.

У большинства во рту творилось то, что можно было бы назвать "антологией очагов зубной инфекции". Эта инфекция становилась у них причиной проблем с

кровеносной и мышечной системой, приводивших к растяжениям и вывихам, а любой ушиб чуть сильнее обычного превращался в целую историю болезни - выздоровление шло очень медленно. Больными зубами они не полностью разжёвывали пищу, вследствие чего из-за плохого пищеварения мучились болями в желудке. Некоторые футболисты с ослабленным организмом были хронически подвержены венерическим заболеваниям, и самой распространённой среди них проблемой являлась гоноррея. Антибиотики тогда уже существовали, но болезнь и её лечение выводили игрока из строя на три-четыре дня.

Социальная среда, в которой вращались футболисты, находясь вне клуба, также оставляла желать лучшего: почти все они ежедневно выпивали. Никаких взысканий за это, правда, не следовало, поскольку в клубе пьяными они не появлялись. А курение - вообще считалось нормой жизни: курили даже во время игр в перерывах между таймами. Привычка была настолько общепринятой, что, когда тренер Жентил Кардозо решил с этим покончить, ему пришлось развешивать запрещающие надписи по всей раздевалке.

"Букет" развивавшихся в организме игрока болезней распознавался врачами клуба не всегда скоро, и причиной тому был вовсе не недостаток квалифицированного персонала или диагностического оборудования. В "Ботафого", например, имелся свой медицинский отдел, способный подвергнуть спортсмена целому ряду обследований и тестов перед заключением с ним контракта. Зачастую врачи просто не успевали что-либо предпринять. Стоило вновьприбывшему футболисту хорошо зарекомендовать себя на отборочном просмотре и понравиться тренеру, как с ним тут же подписывали контракт и включали в основной состав команды. Самое большее, что удавалось сделать, - это измерить игроку рост, вес и ещё прослушать его через стетоскоп. Все проблемы всплывали уже потом, в ходе чемпионата.

Врачи с сожалением покачивали головами каждый раз, когда к ним попадал талантливый спортсмен возраста Гарринчи. Годы юности, самые ценные для базовой физической подготовки и укрепления мышц и суставов, были почти безвозвратно потеряны. До прихода в "Ботафого" Гарринча за свою жизнь не проделал и десятка гимнастических упражнений.

В клубе ему измерили рост, вес и прослушали через стетоскоп грудную клетку. При росте 1,69 метра он весил 67 килограммов; в легких ничего подозрительного обнаружено не было. Обследование проводили терапевт Оскар Сантамария и ортопед Жозе Албано да Нова Монтейро. Затем они попросили Гарринчу лечь на стол и осмотрели его ноги. Правое колено у него было повернуто во внутреннюю сторону, а левое - во внешнюю. Кроме того, Гарринча имел врождённый вывих тазобедренных суставов, левая нога у него была на шесть сантиметров короче правой и с определённого ракурса просматривалось лёгкое косоглазие. Да, в древней Греции он, наверное, не вызвал бы всеобщего восхищения, однако ничто из этого не мешало ему играть в футбол.

Как раз в то время "Ботафого" безуспешно искал себе правого нападающего. Ветеран Парагуайо, давний игрок основного состава, был уже фактически продан клубу "Флуминенсе", и на его место Жентил Кардозо начал опробовать сразу нескольких кандидатов, но те оказались слабоваты. Самым лучшим среди них до появления Гарринчи был молодой быстроногий Мангаратиба, незадолго до того пришедший из команды дублёров. Его-то Кардозо и вывел 12 июля на стартовый матч "Ботафого" в чемпионате "Кариока" против "Сан Кривована". "Ботафого" тогда еле выиграл со счётом 1 : 0, а Мангаратиба действовал настолько плохо, что болельщики его гневно освистали. Когда он получал мяч, с трибун стадиона неслись выкрики:

"Мангаратиба, тебя к телефону!"

Это была форма выражения недовольства, дававшая понять, что ему лучше уйти с поля. Ничего личного против Мангаратибы в этих выходках не содержалось - просто болельщикам на том матче уже было с кем его сравнить. Фанаты, не пропускавшие даже предсезонные тренировочные игры своего клуба, чуть раньше видели, как команда дублёров "Ботафого" задала трёпку игрокам дубля "Сан Кривована" со счётом 5 : 0, а новый форвард по имени Гарринча забил гол сам и за счёт своего невероятного дриблинга помог партнёрам забить ещё четыре. Жентил Кардозо, разумеется, тоже всё это видел.

На самом деле, на первый матч чемпионата против "Сан Кривована" тренер намеревался вывести Гарринчу, но на неделе, когда должна была состояться игра, тот просто-напросто исчез из поля зрения клуба. Понедельник у Гарринчи был выходным. Во вторник проводилась физическая подготовка, и на неё он не явился. Среда была днём игровой тренировки, но и в среду он не пришёл. Жентил начал волноваться: а вдруг с парнем что-нибудь случилось! Хотя если так, то об этом, наверняка, уже стало бы известно. Значит, причина - самая обыкновенная недисциплинированность и безответственность. В порыве гнева Жентил уже готов был изорвать свою потёртую пропитанную потом клетчатую кепку, с которой никогда не расставался, как вдруг ему сообщили, что кто-то позвонил из Пау Гранде и сказал, что Гарринче удалили зуб.

Оправдание казалось старым как мир, однако в четверг Гарринча в клубе появился: щека у него была припухшей, а в верхнем ряду зубов справа виднелась щель. Жентил отправил его на медицинский осмотр, вычеркнул его имя из списка игроков, заявленных на матч с "Сан Кривованом", и внёс в этот список Мангаратибу. В воскресенье, увидев, что Гарринче стало намного лучше, Жентил порекомендовал Пауло Амаралу включить его в команду дублёров, в составе которой Гарринча сыграл, и весьма успешно.

А неделей позже, 19 июля, там же на стадионе "Женерал Севериано" случились незабываемые четырнадцать минут второго тайма официального матча "Ботафого" - "Бонсусэссо", когда гости "дерзнули" повести в счёте 1 : 2. В те далёкие 1950-е годы небеса готовы были разразиться громом, если какая-нибудь

второразрядная команда выигрывала у футбольного гранда. Даже если эта команда хоть несколько минут вела в счёте, на горизонте уже искрились "молнии" негодования - тем более, когда игра проходила на домашнем стадионе фаворита. Члены клуба "Васко" рвали свои клубные карточки, болельщики "Флуминенсе" швыряли на поле апельсины, а фанаты "Фламенго" шли к выходу и там поджидали игроков, чтобы крикнуть им в лицо, какие те "разгильдяи" и "паяцы". Небо над стадионом в тот вечер было почти чёрным, угрожая и вправду разверзнуться, шёл проливной дождь, дул сильный ветер, и вдруг... - пенальти в ворота "Бонсусэссо".

Кому же пробивать? Старшие и более опытные игроки особого желания не выказывали. Жениньо, Арати, Жувенал, Нилтон Сантос и бомбардир Дино в тот момент старались держаться подальше от мяча. "Ботафого" плохо сыграл против "Сан Кривостана", а теперь был недалёк от поражения в матче с "Бонсусэссо", и любой, не реализовавший этот пенальти, сделался бы в глазах болельщиков презренным неудачником. Тут все увидели, как Гарринча неспеша взял мяч и поставил его на точку. Жениньо - капитан команды - посмотрел в сторону Жентила Кардозо, и тот кивнул в знак согласия.

Ворота "Бонсусэссо" защищал Ари, несколько лет спустя перешедший в "Фламенго", а затем в "Америку". Он попытался смутить Гарринчу, чтобы заставить его ошибиться:

"Спокойно, парнишка! Давай-ка, бей вот сюда в уголок!"

Для Гарринчи этот матч начался не очень удачно. Он ошибался при пасах, делал навесные передачи за ворота и проигрывал борьбу за мяч. Критики потом говорили, что это не от неуверенности, а из-за поспешности. Далее постепенно игра у него стала налаживаться, и после произведённого им углового удара Винисиус счёт сравнял. Однако "Бонсусэссо", не пожелав мириться с ничьей, вновь вышел вперёд - 1 : 2, и теперь, уже во втором тайме, "Ботафого" получил право на пенальти.

В "Пау Гранде" Гарринча был главным пенальтистом. Увидев, что никто из его товарищей пробивать не желает, он взял мяч и установил на одиннадцатиметровую отметку. А Ари продолжал его нервировать:

"Видишь, как все на тебя смотрят? Жентил ведь не простит!"

Гарринча отошёл и начал разбег...

Далее следуют ещё более трёхсот тридцати страниц интереснейшего повествования обо всём, что произошло с героем книги как дома, так и в разных частях света, где ему довелось побывать, а также о других известных и малоизвестных личностях, оказавших большое влияние на его судьбу.

По понятным причинам (их две) текст книги, к сожалению, не может быть

представлен здесь полностью. Книга от начала до конца переведена на русский язык и ждёт рекламных спонсоров, заинтересованных в её публикации.

Адрес электронной почты: SergioNevasca@BOL.COM.BR

Если вам понравилось прочитанное и вы хотели бы видеть эту книгу изданной в печатном варианте, пожалуйста, оставьте свой комментарий на странице <http://garrincha.ru/komment/index.php> и проголосуйте: <http://garrincha.ru/oz.php>

Заранее благодарен,
Сергей Гришин